

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

ГРУППА АНТИТЕРРОР

Альберт БАЙКАЛОВ

ГРАЖДАНСКИЙ
СПЕЦНАЗ

Альберт Байкалов

Гражданский спецназ

«ЭКСМО»

2005

Байкалов А. Ю.

Гражданский спецназ / А. Ю. Байкалов — «Эксмо», 2005

Участник трех войн, боец «Антитеррора» Антон Филиппов и на «гражданке» продолжает суровую борьбу против врагов. Только теперь в этой войне без правил его противники – русские бандиты. Их главарь – директор нефтяной компании «Нефптон» Бобров занял это кресло, зверски уничтожив своего предшественника Пешехонова. Его руки обагрены кровью и других людей. Вместе со старым приятелем Навродским, с которым он проходил огненными дорогами Чечни, Филиппов берется распутать этот клубок преступлений. Ему приходится действовать порой за гранью не только закона, но и морали. Другого выхода нет, когда почти в одиночку идешь против целой бандитской армии...

© Байкалов А. Ю., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Альберт Байкалов

Гражданский спецназ

События, изложенные в книге, вымышлены. Их трактовка не отражает мнения издательства. Любые совпадения имен, фамилий и ситуаций случайны и непреднамеренны.

Глава 1

– Филиппов Антон Владимирович, – медленно проговорил круглолицый, пышущий здоровьем толстяк, словно пытаясь вспомнить какой-то момент в своей жизни, связанный с именем этого человека.

Оторвав взгляд от бизнес-плана, он посмотрел поверх очков в модной позолоченной оправе на стоящего перед ним молодого мужчину. Он не любил людей, подобных этому посетителю. Сильные, уверенные в себе, они были абсолютной противоположностью ему. С раннего детства он хотел стать вот таким же высоким красавцем с атлетической фигурой. Пусть не вышел рожей – рожа досталась от родителей. И не надо ему умных глаз и волевого подбородка, как у Филиппова. Дал бы бог вот такие же мощные плечи и сильные руки. Разве терпел бы он унижения в школе и институте? Никто и не посмел бы, имея он такие данные, бросить в его адрес что-то вроде «колобок», «толстый» или просто «чмо».

Антон спокойно выдержал взгляд чиновника. Он чувствовал исходившую от того неприязнь и получал от этого удовольствие.

Сидевший перед ним заместитель главы администрации Стретович Валентин Аркадьевич был моральным и физическим уродцем. Такие вот ущербные, постоянно испытывающие обиды люди ставят перед собой одну цель – любой ценой попасть во властные структуры. Занять хоть какую-то должность с одной лишь целью – самоутвердиться и унижить тех, кому совсем недавно завидовали.

Филиппов на протяжении нескольких месяцев обивал пороги разных учреждений, ругая себя за опрометчивое решение открыть собственное дело.

Поводом послужила довольно крупная сумма денег, оказавшаяся в его распоряжении.

Работая после увольнения из армии водителем-дальнобойщиком, он случайно оказался свидетелем провоза миллиона долларов, предназначенных для финансирования деятельности чеченских бандформирований. Узнав о планируемой переброске, Антон со своими бывшими сослуживцами, такими же спецназовцами, сорвал ее, нанеся ощутимый урон «чехам», практически уничтожив всю цепочку этого механизма. Однако обошлось это дорогой ценой. Трех проверенных временем товарищей он уже никогда не сможет увидеть.

Антон долго ломал голову над тем, как распорядиться деньгами, часть из которых в результате оказалась у него. Торговый бизнес больше напоминал ему обыкновенную спекуляцию, да и не мог он себя, капитана запаса, представить в этом качестве. Для открытия же какого-либо производства этих средств было маловато. Идея пришла спонтанно. Остановившись как-то на красный свет недалеко от центра города, он увидел двух подростков, выскочивших из подъезда одной из пятиэтажек, расположенных рядом с перекрестком. Судя по сумкам, ребята направлялись в школу. Отойдя от дома, они достали сигареты и, нисколько не стесняясь взрослых, закурили.

«И никому до них нет дела», – мелькнула тогда у него мысль, которая вызвала идею создать подростковый клуб.

Для этих целей вполне годился расположенный в десяти километрах от города бывший пионерлагерь «Колосок», который, по его мнению, местные власти легко передадут в аренду. Несколько спальных корпусов, пищеблок и столовая на берегу небольшого лесного озера идеально подходили для реализации его замыслов.

Не особо удручал тот факт, что лагерь давно перестал использоваться по назначению, став притоном для бомжей, а предприимчивый люд растащил все более-менее пригодное в хозяйстве, начиная от оконных рам, заканчивая столбами освещения.

Предполагалось вложить свои деньги и взять кредит, а в течение года вернуть долг. Финансирование молодежной программы Антон планировал осуществлять от прибыли, которую должны были приносить состоятельные люди, арендуя полигон для «нэйтбола». Он рассчитывал и на помощь областной администрации, тем более что средства на подобную деятельность ежегодно закладываются в бюджет отдельной статьей. В перспективе было и создание соответствующего фонда.

Многие чиновники скептически отнеслись к его идее.

– Зачем нашим состоятельным людям, а они через одного бандиты, такие игрища? – усмехались бюрократы. – В крайнем случае будут на твоём полигоне учения проводить, перед тем как очередную «стрелку» забить.

Сейчас он вышел на финишную прямую. От одной закорючки этого обрюзгшего, несмотря на сравнительно молодой возраст, чиновника зависело, быть или не быть клубу «Айвенго».

– А что у вас в смете за маркеры? – неожиданно спросил Стретович, покосившись на свой офисный набор.

– Так называются устройства, напоминающие ружья, которые стреляют шариками с краской.

– А глаза если повыбивают? – Он с издевкой посмотрел на Филиппова.

– В «нэйтболе» используется специальная защита, – едва скрывая раздражение, ответил Антон.

Стретович достал носовой платок и с шумом высморкался. Затем пристально посмотрел в глаза Антону, которому он так и не предложил сесть:

– Слушай, а может, ты под этой ширмой молодежную группировку хочешь создать? Натаскаешь пацанов с этими ружьями, которые, как ты говоришь, краской стреляют, – Валентин Аркадьевич перевел взгляд на лежащие перед ним документы и принялся их листать, – обучишь приемам рукопашного боя... Что тут еще у тебя. – Он поправил очки. – Спортивному ориентированию, оказанию первой медицинской помощи. – Чиновник оторвался от чтения и вновь посмотрел на Антона. – У вас уже террористическая организация будет, а не подростковый клуб.

– Это просто бред, – фыркнул Антон.

Он чувствовал, что Стретович всеми силами пытается вывести его из себя.

– А из армии ты уволился, наверное, чтобы в Чечню не попасть? Или платили мало? – с ехидной усмешкой продолжал тот допытывать Филиппова, но Антон и эту пилюлю проглотил стойко. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Лишь внутри остался ожог, словно прикоснулись раскаленным металлом где-то в груди, ближе к сердцу.

– Если б не уволился, то поехал бы туда уже в седьмую командировку, – спокойно ответил Антон. – Между прочим, я служил в подразделении, где деньги не играют особой роли, и вы не можете об этом не знать. Перед вами моя характеристика.

– А в чем же оценивался ваш труд?

– Вам не понять, – спокойно ответил Антон, считая пустой тратой времени рассказывать этому человеку о патриотизме, чувстве долга, наконец, азарте.

Несмотря на видимую невозмутимость, Филиппов чувствовал себя чашей, в которую капнула последняя капля воды и наполнила ее до краев.

«Еще чуть-чуть, и я размажу его по стенке», – подумал он и ужаснулся. В этом случае месяцы скитаний по кабинетам коту под хвост. Нужно терпеть.

В запасе был последний вариант, который безотказно действовал на всех этапах и во всех инстанциях и к которому его упорно подталкивал чиновник.

– Сколько будет стоить ваша подпись? – глядя прямо в глаза Стретовичу, спросил он.

Тот словно ждал этого вопроса. Откинувшись на спинку стула, Валентин Аркадьевич задумчиво посмотрел в потолок. Затем взял ручку и на листке, лежащем перед ним, принялся что-то писать. Через минуту сложенный вдвое клочок бумаги перекинул в карман Антона.

– Дома прочтешь...

Выведенные пухлой ручкой деляги цифры говорили о сумме в несколько тысяч долларов. В пояснении ниже указывалось, что сей служитель закона лишь немного оставит себе, а остальное будет вынужден передать выше для полного решения вопроса.

Антон не удивился ни самому факту требования вознаграждения, ни сумме. Ни для кого не было секретом, что за так ничего не делается, а размер взятки зависит от уровня расположения чиновника на служебной лестнице.

Так, если в Комитете по земельным ресурсам он ограничился двумя сотнями долларов, то сейчас, на завершающем этапе, эта сумма возросла более чем в десять раз. Заранее проконсультировавшись со знающими людьми, Антон и не рассчитывал на меньшее. Но спустя час, сидя на кухне с кружкой чая и вспоминая разговор со Стретовичем, он вдруг понял, что не сможет дать взятку этому чиновнику. Тем самым он принесет еще одну маленькую победу этому негодяю...

На следующий день Стретович явился на работу в приподнятом настроении, прошел в кабинет. Почти одновременно зазвонил телефон.

– Слушаю, Стретович, – вальяжно развалившись в кресле, ответил Валентин Аркадьевич.

– Приветствую тебя, это Галкин, – ответили на том конце.

В принципе Галкину можно было и не представляться. Прокурорный, осипший голос прокурора района Стретович узнавал безошибочно.

После обмена приветствиями Галкин перешел на деловой тон.

– Слушай, Валентин, – прохрипела трубка, – у тебя вчера был на приеме Филиппов Антон Владимирович.

– Был, – ответил враз переменявшийся в лице Стретович.

– В общем, ты все понял?

– Понял, спасибо. – Валентин Аркадьевич, позеленев от злости, щелкнул суставами пальцев. – Сучонок, думаешь, самый хитрый...

Как и было оговорено с сотрудниками ГУБОПа, Антон с конвертом во внутреннем кармане пришел на прием в администрацию во второй половине дня.

В коридоре и приемной его уже поджидали оперативники, слившиеся с общей массой посетителей, которых в это время было уже не так много. В их задачу входило войти после того, как Антон покинет апартаменты заместителя главы районной администрации, и засвидетельствовать получение должностным лицом взятки.

Внизу, под окнами, на всякий случай также дежурил оперативник.

На денежные знаки номиналом по сто долларов специальным, невидимым обычным глазом составом было нанесено слово «взятка», а номера купюр переписаны.

Сегодня хозяин кабинета вел себя более-менее сносно. Поздоровавшись, он указал Антону на одно из кресел, расположенных за столом для совещаний.

– Что же, Антон Владимирович, – выдержав паузу, вызванную тем, что пришлось поглядеть в записи для освежения в памяти отчества пришедшего, Стретович перевел взгляд на него, – я внимательно ознакомился с вашим проектом и должен вас огорчить: есть ряд неясных моментов, которые требуют разъяснения и доработки...

Он многозначительно посмотрел в глаза Филиппова.

Поняв это как своеобразный пароль, Антон вынул из кармана конверт и протянул его через стол.

Дальше произошло невообразимое.

Сделав недоуменное лицо и подняв руки вверх, Стретович посмотрел на Антона:

– Что это?

– Деньги, – растерялся Антон. – Две тысячи долларов, как договаривались.

Взвыв от негодования, покрывшись малиновыми пятнами и брызгая слюной, Валентин Аркадьевич пулей вылетел из-за стола и выскочил в коридор:

– Хам! Наглец... Мне взятку предлагает!

Мир стал уныло-серым. С застывшей на лице глупой улыбкой Антон вышел следом...

– Ну что, вояка, доигрался? – Следователь закончил оформление протокола, развернул его к Антону. – Прочитай и распишись на каждом листке снизу, а в конце...

– С моих слов записано верно, замечаний и дополнений не имею, – договорил за него Филиппов. – Уже сталкивался.

– Знаешь, сколько можно отхватить за попытку подкупа должностного лица?

– Я никого не собирался подкупать, – спокойно ответил Антон. – Вот и в протоколе записано, вашей же рукой, что я заблаговременно поставил в известность правоохранительные органы. – Он поднял на следователя взгляд. – В конце концов, у меня есть листок, где Стретович собственноручно написал, когда и какая сумма должна быть передана. Там даже уточнено, как в последующем эти деньги будут распределены.

– Мало ли что там написано, – следователь, зевнув, отвернулся к окну. – Он, например, утверждает, что этот листок лежал на столе, а ты его спер. А написал он это для себя, чтобы не забыть о том, что должен вернуть в этот день долг своему знакомому. Просто ты воспользовался случаем.

– Так почему же я, по-вашему, обратился в органы? – усмехнулся Антон.

– Зная, что этот человек не берет на лапу, ты просто хотел его скомпрометировать. – Давая понять, что ему наскучил беспредметный разговор, следователь поднялся со своего места. – Так или иначе, на сегодня все.

– Просто его успели предупредить, – не унимался Антон и, неожиданно заметив, как следователь кивнул головой, замолчал.

– Уголовное дело будет закрыто, – милиционер отвел взгляд в сторону, – но и об «Айвенго», как понимаешь, тебе придется забыть.

* * *

Врач-нарколог Курмачов Эдуард Юрьевич, несмотря на свой возраст, а в конце зимы он разменял уже пятый десяток, обладал темпераментом юноши. Начальник токсикологического отделения, каковые обязанности Эдуард Юрьевич исполнял уже на протяжении семи лет, имел репутацию распутного весельчака.

Курмачов не курил, а коллеги по работе ни разу не видели его пьяным. В любом застолье, будь это День медицинского работника или Новый год, он позволял себе не больше двух рюмок алкоголя, что не мешало ему быть душой компании.

Но было у него слабое место – противоположный пол. Объектом вожделения могли стать не только медицинские сестры, молодые и не очень женщины-врачи, но и пациентки, причем с последними роман мог продолжаться и после выписки.

Этим апрельским днем Эдуард Юрьевич сидел в ординаторской, занимаясь делом, которое давно стало привычным и обыденным: оформлял документы на очередного «жмура». В большинстве своем люди, попадающие в заведение, где он работал, уже давно стояли одной ногой в могиле. Некоторых не успевали даже довезти до больницы. Цирроз печени, панкреатит, кровоизлияние в мозг, язвенные болезни и просто отравление суррогатами – лишь небольшой перечень болезней, сопутствующих алкоголизму и приводящих людей на погост.

Трель телефонного аппарата заставила его оторваться от своего занятия.

– Слушаю, Курмачов.

– Добрый день, Эдуард Юрьевич, – проворковала трубка голосом Ольги, одной из его пациенток, лежащей в платной палате, расположенной в отдельном корпусе.

Условия лечения там разительно отличались от тех, где из объятий Бахуса вырывали простых смертных, не имеющих возможности платить ежедневно сумму, равную месячному заработку директора средней школы.

Телевизор, телефон, джакузи, не говоря уже о питании.

– У меня появилась проблема. – Она томно вздохнула. – Вы не могли бы меня навестить?

– Неужели плохо себя чувствуете? – с ноткой фальшивого беспокойства в голосе вопросом на вопрос ответил Курмачов.

Он прекрасно знал, что избалованная, затасканная по ресторанам и ночным клубам холерная дамочка, успевшая от сытой жизни в двадцать с небольшим лет заработать алкоголизм второй стадии, давно пришла в себя и, кроме тоски по оставленной неделю назад за забором веселой жизни, у нее ничего не может быть. Эдуард Юрьевич на секунду представил эту темно-волосую стройную девушку с немного надменным взглядом. Сердце непроизвольно забилось сильнее.

«Что не отберешь у этой синеглазки, так это сексуальности», – подумал он.

– Можно сказать, что вы угадали, – проворковала тем временем пациентка и, не дожидаясь ответа, отключилась.

– Самонадеянная тварь! – вслух произнес доктор. – Все равно я тебя трахну!

В глубине души его пожирала черная зависть. Эти алкоголики были хозяевами жизни. Они были уверены в том, что по первому зову, бросив свои дела, медперсонал кинется в элитный корпус. Ольга не была исключением, поэтому, отодвинув на край стола бумаги, он поднялся со стула.

Ольга сидела, развалившись в кресле, закинув ногу на ногу, демонстрируя из глубокого разреза синего халата холерное бедро и округлую коленку. Волосы были распущены.

– Что случилось? – Курмачов, закрыв за собой дверь, сделал озабоченное лицо.

– Эдуард Юрьевич, – девушка капризно надула губки, – можно ко мне кого-нибудь подселить? Скучно.

– Не положено. – Он прошел через палату, больше похожую на хороший гостиничный номер, и присел на край кровати.

– Но другие же лежат, – намекая на соседей, где находилось по два больных, запротестовала она.

– У нас к каждому больному индивидуальный подход, а у вас другой диагноз, – соврал он.

Каждая палата была рассчитана на двоих. Просто похотливый доктор, еще при поступлении Ольги по достоинству оценив ее женские прелести, поставил перед собой цель познакомиться с ней поближе. В таких случаях он терпеливо ждал результатов анализов на СПИД и другие венерические заболевания, заодно приводя человека в порядок, а узнав, что у новенькой все с этим в порядке, приступал к действиям.

С Ольгой у него успели сложиться доверительные отношения, к чему ее склоняло вынужденное одиночество. Он уже знал, что она является гражданской женой довольно известного бизнесмена. Однажды он даже видел, как тот приезжал навестить ее на роскошной иномарке.

– А если я буду платить больше? – неожиданно предложила она.

– Тогда я перееду к вам жить, – полушутя ответил он, поднимаясь со своего места и подходя ближе.

Заподозрив неладное, Ольга тоже встала. Однако опасения в ее взгляде сменились любопытством.

Подойдя к ней вплотную, он осторожно просунул руку в отворот халата и провел ладонью по нежной, бархатистой коже живота. Ее тело, вздрогнув, затрепетало, а дыхание участилось.

«Оголодала дамочка!» – пронеслось у него в голове, и уже левая рука, накрыв нежную шейку, слегка потянула на себя.

– Ты ничего не боишься? – неожиданно перейдя на «ты», с дрожью нетерпения прошептала она.

– А разве лечащий врач не может провести более качественный осмотр? – улыбнулся Эдуард Юрьевич и впился в ее влажные розовые губы.

От тела девушки исходил непередаваемый аромат французских духов в сочетании с запахом бархатистой кожи. Еще минута, и освобожденное от халата тело предстало перед ним всеми своими прелестями. Лаская губами нежно-розовые выпирающие соски, он быстро разделся, бросив одежду прямо на пол, повалил Ольгу на кровать и, раздвинув стройные ноги, урча от возбуждения, вошел в нее. Вскрикнув, Ольга выгнулась, покрывшись легкой испариной, и, вновь опустившись спиной на кровать, забилась в конвульсиях экстаза.

* * *

Съехав с автострады и плавно развернувшись на бетонной площадке перед входом в парк Гагарина, темно-синий, с никелированной решеткой впереди красавец «Гранд Черроки», едва слышно скрипнув колесами тормозов, замер на месте.

Заглушив двигатель, Бобров Александр Михайлович, он же Бобер, сорокалетний невысокий плотного телосложения мужчина, повернул голову к своему пассажиру, сидящему рядом:

– Ну, что, Вадим, пойдем подышим?

– Как скажете, – пожал плечами прыщавый брюнет с болотного цвета глазами, открывая дверцу и выбираясь наружу.

Несмотря на холодный апрельский ветер и хрустящий под ногами ледок, Александр Михайлович не надел шапку, ограничившись тем, что поднял меховой воротник модного полупальто.

Его попутчик, с опаской посмотрев сверху вниз на круглую, как футбольный мяч, с глубокими залысинами, голову удивленно хмыкнул:

– Не боитесь менингит заработать?

Александр Михайлович, пропустив эти слова мимо ушей, направился по аллее, о чем-то сосредоточенно размышляя.

Вадим Скоробогатов, он же Скорый, бросая по сторонам настороженные взгляды, слегка сутулясь и едва заметно прихрамывая на правую ногу, шел рядом.

Неожиданно Бобров остановился:

– Надо Пешехона замочить. – Сказано было без всяких предисловий, обыденным голосом, отчего у Скорого отвисла нижняя челюсть.

– Он же, насколько я знаю, родственник вашей жены?

– В бизнесе есть только нужные и ненужные люди, – Бобер скривился в хищной улыбке. – Еще есть преуспевающие и неудачники. Пока Пешехон жив, я в этой жизни ничто...

– Как скажете. – Скоробогатов засунул руки в карманы и поежился. – Завалим лоха. Делов-то...

– погоди валить. – Александр Михайлович зевнул. – Не зря тебя Скорым прозвали. Сделаем так, будто сам загнулся.

Выдержав паузу, провожая взглядом обогнавшую их влюбленную парочку, Бобров вновь заговорил:

– Твоя задача – послезавтра привезти мне вот этого человека. – Он вынул из внутреннего кармана пальто фотографию и протянул Скорому.

Не глядя, тот сунул ее в карман:

– Кто это?

– Доктор. Работает в диспансере, где моя потаскушка лежит.

– Ольга, что ли? – осторожно поинтересовался Скорый, прекрасно зная, что пассива Александра Михайловича лечится от алкогольной зависимости в одном из специализированных медучреждений города.

– Она самая, – подтвердил тот кивком головы. – В общем, этот лепила заканчивает работу в шесть вечера, если, конечно, не дежурит. Машины у него нет, поэтому домой добирается общественным транспортом. – Словно желая убедиться, слушают его или нет, он бросил настоженный взгляд на Вадима. – От остановки до больницы метров триста дорога идет через лес. Там его и перехватишь, а привезешь, – Александр Михайлович на секунду задумался, – к повороту на Рубежку.

– Мочить будем? – спросил Вадим, прекрасно зная, что Рубежное – это село, расположенное рядом с одним из самых больших городских кладбищ. В нескольких километрах от него располагалась и свалка бытовых отходов. Довольно мрачное место, если сюда добавить слухи о бизнесменах, братках, а иногда и просто ненужных свидетелях, сгинувших там при разделе собственности в девяностые годы.

Раз в год, на первое января, Скоробогатов приезжал туда с теми, кто в ночь тридцать первого декабря девяносто четвертого входил в Грозный, чтобы помянуть земляков.

Вадим Скоробогатов прослужил в армии всего одиннадцать месяцев. Причиной досрочного увольнения наводчика оператора боевой машины десанта стало обморожение конечностей и, как следствие, ампутация трех пальцев на ноге. До армии Скоробогатов успел окончить два курса аэрокосмического института, но финансовое положение в родительской семье, влачившей жалкое существование в дореволюционной постройке доме, вынудило его расстаться с мечтой о высшем образовании.

Эти обстоятельства и сыграли основную роль в том, что за несколько лет вполне обыкновенный паренек превратился в озлобленного на весь благополучный мир беспредельщика.

Между тем Бобров остановился и, задрав голову вверх, посмотрел на затянутое свинцовыми, набухшими от снега тучами небо.

– Нет, и его мы убивать не будем, – наконец ответил он и развернулся в обратном направлении, видимо, посчитав, что цель прогулки достигнута, а вопросы исчерпаны. – Пошли, а то я замерзать стал...

Глава 2

Курмачов стоял на дне ямы, вырытой им же самим на краю свалки в огромной куче смердящих отходов. Над нечистотами виднелась лишь его голова. Мокрый от слез, пота и собственных испражнений, он тихонько скулил.

Все происходящее сегодня с ним, после того как он вышел за пределы больницы, казалось страшным сном или видением сумасшедшего.

Возвращаясь с работы, он едва успел пройти половину пути до автобусной остановки, как обогнавшая его грузовая «Газель», тревожно скрипнув тормозами, перегородила ему дорогу. Шедшие от самой проходной следом за ним несколько приличного вида парней, которых он принял за обычных посетителей, неожиданно подскочив сзади, поволокли его в кузов. Пытаясь упираться и кричать, он лишь усугубил свое положение. Не обращая внимания на случайных и редких в этих местах прохожих, его, повалив на землю, мастерски обработав ногами, как тряпичную куклу, бросили на пол кузова.

Затем последовала встреча с Бобровым, который долго выпытывал у него подробности имевшего недавно место соития с Ольгой.

– Ты что же, сучонок, думаешь, – размахивал он перед носом Эдуарда Юрьевича цифровым диктофоном «SONY», – я свою бабу без присмотра оставляю?

После разговора в лесу, длившегося больше часа, его привели на свалку и заставили рыть могилу.

– Не убивайте! – вновь и вновь повторял он. – Я что угодно для вас сделаю...

Стоящие вокруг ямы молодые парни, равнодушно наблюдая за этой сценой, лишь изредка перебрасывались незначительными фразами и криво улыбались, с опаской поглядывая на Скорого и Боброва. Неожиданно Курмачов увидел, как стоящий рядом с «рогоносцем» парень протянул тому пистолет. Выдав что-то нечленораздельное, чем вконец развеселил толпу, Эдуард Юрьевич принялся громко рыдать.

– Александр Михайлович, – один из парней пристально глядел в том направлении, куда Бобер стоял спиной, – по-моему, у нас чужой.

Все, как по команде, замолчали.

Метрах в пятидесяти от них из-за гребня отходов показалась сначала голова, затем туловище, и, наконец, во всей красе перед ними предстал неопределенного возраста мужчина, одетый в какое-то тряпье. В одной руке он волок что-то вроде большой хозяйственной сумки, в другой держал палку, которой ворошил мусор.

– Это что еще за грибник? – удивился Скоробогатов.

– Нам лишние свидетели ни к чему, – по-театральному громко сказал Бобров, покосившись на яму, из которой доносились рыдания доктора. – Давайте его сюда.

Через несколько минут мужичок, затравленно озираясь, стоял среди хорошо одетых людей.

– Тебя как зовут, чучело? – брезгливо морщась, спросил один из парней.

– Костян, – немного подумав, ответил тот, еще больше робея.

Бобер и Скоро́й знали, что бомж появился здесь не случайно, и ждали этого момента. Просто один из людей Вадима, Игорь Лузин по кличке Лучок, подобрав из обитающего на свалке контингента подходящую личность, этого самого Константина, направил его сюда. Сложности в этом никакой не было. Подъехав к месту, где в этот день разгружались мусоровозы и куда стекался весь цвет «дна», он уже через минуту отыскал среди снующих, словно муравьи, безобразных мужчин и женщин нужную кандидатуру.

– Слушай, братан, – едва скрывая брезгливую улыбку, начал втирать ему Лузин, – мне арматура нужна. Ну, прут металлический, – видя, что до бомжа с трудом доходит смысл ска-

занного, принялся разъяснять ему бандит. – У меня сосед говорит, что вчера именно такую, которую я ищу, он видел вон за той кучей. Сходи глянь, – Лузин кивнул в том направлении, где проводилась экзекуция, и протянул ему пятьдесят рублей. – Еще полтинник получишь, если найдешь. Валяй!

Так Костян оказался перед Бобром и его людьми.

– Ты знаешь, что мы сейчас здесь делаем? – неожиданно поинтересовался Бобер.

– Не знаю и знать не хочу. – Покосившись на стоящего в яме перепуганного человека, он попытался уйти, но один из парней Скорого ударил его ногой в живот.

Сложившись, словно перерубленное напополам деревце, несчастный издал хрип и, закатив глаза, рухнул на колени.

– Нет, – сквозь зубы процедил Бобер, – знаешь и обязательно застучишь ментам. Поэтому мы тебя вместе с этим человеком должны убить.

От этих слов Курмачов завыл еще громче. Ноги его не выдержали и подкосились, словно на плечи доктора опустили неподъемный груз. Загребая под себя зловонную жижу, он начал нечленораздельно причитать.

Эдуард Юрьевич не мог знать, что в планы бандитов не входило убивать его. Просто это была умело подготовленная комбинация, состоящая из специально подстроженных случайностей, которые тщательным образом продумал Бобер и частично осуществил его «заплечных дел мастер» Скоробогатов.

Даже скоротечный романчик с Ольгой, которая давно надоела Александру Михайловичу, своими пьяными выходками подмачивая его репутацию на разного рода мероприятиях, был частью его хорошо продуманного плана.

Когда после пятидневного пребывания в стенах профилактория он сказал Ольге, что ей придется охмурить доктора, она закатила ему скандал.

– Ты не любишь меня! – повторяла она сквозь слезы. – Ты просто хочешь использовать мое тело для своих грязных дел, а после всего выбросишь меня на улицу!

Пожалуй, самым трудным при подготовке этого спектакля было убедить Ольгу. Но и тут он все предусмотрел, оставив ей в качестве отступных липовые документы на якобы открытый на нее счет в одном из банков Германии...

Немного еще постояв, Бобров оглядел окрестности и едва заметно кивнул Скорому. Тот в свою очередь толкнул в бок стоящего рядом с ним коренастого парня с серьгой в ухе.

– Ты хочешь жить? – присев на корточки перед ямой, спросил тот врача.

Все еще не веря обнадеживающему вопросу, Курмачов сначала затих, а потом медленно поднял на него затравленный и полный отчаяния взгляд.

– Вылазь, – скомандовал парень, не дожидаясь ответа, зная, что жить хотят все.

Несмотря на видимое бессилие, доктор проворно покинул собственную могилу и преданно посмотрел в глаза своему спасителю.

Достав нож, тот старательно вытер его носовым платком и протянул Курмачову:

– Убей этого недоноска.

Все расступились, давая возможность Эдуарду Юрьевичу подойти к бомжу. В руках у одного из бандитов появилась видеокамера, которую тот принялся пристраивать на перевернутой вверх дном старой стиральной машине.

Неожиданно проявив невероятную прыть, Костя вскочил и бросился бежать, но, сделав несколько шагов, был остановлен подсечкой Скорого.

– Я сделаю из тебя маньяка, – пользуясь заминкой, вызванной тем, что несчастного бездомного тащили обратно, ближе к яме, обратился Бобер к Курмачову. – Выглядеть это будет забавно. В свободное от работы время врач-нарколог, мечтой всей жизни которого было стать патологоанатомом, воплощает ее в жизнь, убивая проституток и бомжей, при этом все скрупулезно фиксируя на видео.

– Зачем это? – осмелившись, спросил бледный как мел Эдуард Юрьевич.

– Ты будешь делать то, что я тебе буду говорить, а если откажешься, эта кассета и вещдоки, которые скоро тоже появятся, попадут вместе с точным описанием места захоронения этого человека куда следует.

– Как... Я не могу. – Курмачова вновь затрясло. Он попятился, переводя испуганный взгляд с Бобра на Скорого.

– Ты хочешь обратно в яму? – усмехнулся Скоробогатов. – Так прыгай! Мы его полюбому замочим, – он кивнул на бомжа. – В первом случае ты убьешь его своими руками и сохранишь свою поганую жизнь, во втором мы убьем тебя как не принявшего наши условия, а затем и его как ненужного свидетеля твоей смерти.

– Шевели мозгами, мудак, – поторопил Курмачова кто-то из стоящих парней. – Вадим тебе дело говорит.

Спустя несколько минут, отмыв лицо и руки доктора от грязи минеральной водой и зафиксировав видеокамеру так, чтобы она запечатлела сцену с новоиспеченным маньяком, они встали таким образом, чтобы не попасть в кадр.

Как ни странно, скованный ужасом мужичок практически не сопротивлялся.

Криво усмехаясь, с опаской поглядывая по сторонам, парни, приехавшие со Скорым, наблюдали, как доктор двумя ударами ножа в шею и грудь убил бедолагу, а затем, расчленив труп топором, кинул его в яму. Закончив, Курмачов развернулся к видеокамере лицом:

– Я не могу чувствовать себя спокойно, пока эта мразь ходит по земле и мешает нам жить.

Топорик, нож и перепачканная кровью несчастного куртка врача были аккуратно уложены в полиэтиленовые мешки, превратившись в вещественные доказательства.

– Что я должен делать? – уже возле машины едва слышно спросил Курмачов у Боброва.

– Пока ничего, – равнодушно ответил тот, ковыряясь спичкой в зубах, – если не считать того, что мою потаскушку тоже придется убрать, но уже по-другому.

* * *

Целую неделю Эдуарда Юрьевича не покидали чувства, которые, наверное, испытывает лишь человек, приговоренный к смерти без шансов на помилование.

Виновница его неприятностей была выписана на следующий день после кошмара, который ему пришлось пережить среди гор мусора близ Рубежного.

Передав ей документы через санитара, он долго сидел в своем кабинете, глядя в угол ничего не выражающим взглядом. По договоренности с Бобром, через неделю ничего не подзревающую девушку повторно доставят в больницу, откуда она уже не должна выйти. В ушах Курмачова вновь прозвучали слова Боброва, когда тот уже садился в машину: «Ты должен на ее примере продемонстрировать мне, как лучше избавляться от людей, мешающих жить. Причем все должно быть чисто и правдиво, чтобы не привлекать внимания ни МВД, ни ФСБ».

Вложив в руки Эдуарда Юрьевича конверт с деньгами и посоветовав купить новую куртку, он уехал, а вечером того же дня один из его отмороzków прямо домой привез копию злополучной записи.

Сцена выглядела ужасно. Перепачканный грязью, с налипшими на куртку кусками туалетной бумаги и безумным взглядом, врач сначала убивает человека, затем, расчленив его труп, прячет его, зарывая в отходы, и в довершение ко всему, развернувшись лицом к видеокамере, говорит о своей миссии очистить мир.

Надежда на то, что на записи будет видно его состояние и то, что он делал все это под давлением, не имея выбора, рухнула.

На фоне убийства и расчлененки безумный ужас в глазах Эдуарда Юрьевича выглядел как одержимость, ненависть, жажда крови. Он больше походил на золотоискателя, нашедшего

самородок величиной с лошадиную голову, нежели на человека, выполняющего чей-то приказ под угрозой смерти.

«Если не пожизненное, то дурка обеспечена», – думал Курмачов, направляясь на работу. Он стал замечать за собой странную особенность – боязнь смотреть людям в глаза. Ему вдруг стало казаться, что все все знают.

Как в каком-то сне прошла неделя.

В заранее оговоренный с Бобровым день Курмачов был сам не свой. Он метался из угла в угол ординаторской, бесцельно ходил по коридорам стационара, натываясь на коллег и невпопад отвечая на их вопросы.

Его состояние не было оставлено без внимания, и вскоре его вызвали к главврачу.

– Эдуард Юрьевич, – тот посмотрел на сидящего перед ним подчиненного поверх очков, – вы сегодня, насколько мне известно, дежурите.

Дождавшись, когда Курмачов кивком головы подтвердит сказанное, он неожиданно спросил:

– С вами все в порядке?

– Абсолютно. – Эдуард Юрьевич, набравшись мужества, посмотрел в глаза начальника и скорчил что-то наподобие улыбки. – А в чем, собственно, дело?

– Коллеги ваши обеспокоены, – вздохнул главврач, откинувшись на спинку стула. – Говорят, ходит сам не свой, осунулся весь. Случилось что?

– Деньги потерял, – соврал Курмачов. – Почти все сбережения. Вместе с барсеткой.

– Ну, это в наше время не такая уж и беда. – Хрустнув суставами, главврач поднялся с места и подошел к окну. – Простите, если не секрет, сколько?

– Около пятнадцати тысяч, – продолжал сочинять Эдуард Юрьевич. – Поехал покупать холодильник, и на тебе...

– Если все же неважно себя чувствуете, то я могу вас заменить.

– Нет, что вы, – испуганно залепетал Курмачов, вспомнив слова Бобра: «Любая накладка – и ты либо в могиле, либо в тюрьме». – Я вполне нормально себя чувствую...

– Как хотите, – пожал плечами главврач.

Поняв, что находится на краю нервного срыва, Курмачов, закрывшись в своем кабинете, опустошил полбутылки разведенного спирта.

Просидев остаток дня перед телевизором, он принял дежурство и стал ждать нового испытания.

Ольгу, как и обещал Бобров, он привез в стельку пьяной. Для доказательства того, что у дамочки была пьяная истерика, ей сделали несколько незначительных порезов на запястье.

Александр Михайлович, бледный как мел, метался по коридору приемного отделения, с негодованием рассыпая ругательства в адрес лечивших ее неделю назад врачей.

– Моя крошка... Она закрылась в ванной и затихла, – ломая пальцы, причитал он как заведенный. – Хорошо, что я случайно оказался дома. Она пыталась вскрыть вены! Зачем?

– «Белку» поймала, – усмехнулся один из санитаров, объясняя таким образом попытку суицида.

Закончив оформлять документы и стараясь не глядеть в глаза Бобру, Курмачов взял со стола тонометр и направился в смотровую.

На женщине не было ничего, кроме домашнего халата. Она спала.

Сделав озабоченное лицо, он пощупал пульс и, покосившись на стоящих санитаров, принялся мерить давление. Оно было пониженным.

– Где медсестра? Давление ниже нормы. Два кубика трименицина, – он кивнул головой на безмятежно спящую Ольгу и вышел из комнаты. В коридоре нос к носу столкнулся с Бобром.

– А вы как здесь оказались? – неожиданно взорвался он. – Кто его сюда впустил?

Опешив, Бобров попятился. Появившийся санитар вывел его в коридор и закрыл тяжелые металлические двери.

Курмачова слегка трясло. Войдя в процедурный кабинет, он открыл шкафчик с медикаментами. Пробежавшись взглядом по полкам, взял флакон спирта, плеснул его в стакан и, добавив воды из-под крана, выпил. Постоял с минуту, дожидаясь, пока алкоголь сделает свое дело, и вернулся в смотровую.

Ольга после инъекции проснулась и ничего не понимающим взглядом уставилась на Курмачова:

– Эдик, где я? Мне плохо...

– Тихо, все нормально. – Пряча взгляд, он вновь принялся мерить давление.

Как и следовало ожидать, до верхнего предела оставалось совсем немного.

– Наберите четыре куба дитерамина! – изобразив на лице испуг, не своим голосом закричал он медсестре.

Через минуту Ольга захрипела. Лекарство сделало свое дело. Ничего не успевшие понять санитары прижали агонизирующее тело к кушетке, пытаясь разжать зубы. Как в тумане, Эдуард Юрьевич вышел.

Умышленно введя полуторную дозу дитерамина, которая понизила давление ниже критической отметки, он приговорил ее к смерти.

* * *

Из-за шума воды Борис Евгеньевич Пешехонов не сразу расслышал, как его несколько раз окликнула жена. Только после того, как она постучала в матовое, с замысловатым рисунком, стекло кабинки душевой, оттуда появилась голова с остатками пены на висках и за ушами.

– Тебе Саша звонит, – протягивая трубку радиотелефона, бросила супруга и, надкусив румяное яблоко, не обращая никакого внимания на ворчание мужа, что скоро и на унитазах не дадут посидеть, вызываясь вильнув бедрами, вышла из ванной.

Борис Евгеньевич, выйдя из кабинки, вытер о полотенце руку и, бросив его на край большой прямоугольной ванны, уселся сверху:

– Слушаю тебя!

– Здорово, родственник! – Голос Боброва заставил Пешехонова поморщиться. Была в нем какая-то фальшивая слащавость. – Ты не забыл, какой сегодня день?

«Такое разве забудешь», – хотел было ответить Борис Евгеньевич, но сдержался:

– Да не жалуюсь пока на память. Ты только из-за этого звонишь в такую рань, или у тебя планы за ночь поменялись?

– Нет, планы не изменились. Все остается в силе. Просто хотел уточнить, нужен я тебе сегодня или нет.

«Больно нужен ты мне, – подумал, начиная злиться, Борис Евгеньевич. – Есть заместитель, нет его, никакой разницы. Проку как от козла молока».

– Мы же вчера этот вопрос обсудили, – с едва скрываемым раздражением ответил Пешехонов. – Готовься к банкету, а если что, я тебе позвоню.

Последнее время он избегал длительного общения со своим компаньоном, боясь сорваться. Несмотря на то что Бобров был двоюродным братом жены, он испытывал к нему безразличность. Что-то отталкивающее было в этом коротышке.

Сегодня ему исполнялось сорок пять. Юбилей он собирался отметить в одном из ресторанов. Относительно молодой заместитель был расчетлив, практичен и жаден. Кутежам и оргиям не предавался, экономя на всем. Пешехонов был несказанно удивлен, когда тот попытался за счет государства похоронить свою пассивность, с которой состоял в гражданском браке почти три

года. Она скончалась от сердечной недостаточности, ставшей следствием пристрастия к алкоголю.

Вот и сейчас выбранное для торжества место не отличалось особым шиком. Небольшой ресторанчик, расположенный вдали от центра города, славился относительной дешевизной блюд и походил на третьесортный бар. Полгода назад Пешехонов случайно оказался в этом заведении. Боброву нужно было решить там какую-то проблему, и он вынудил Бориса Евгеньевича составить ему компанию.

Теперь он не понимал, почему именно там заместитель генерального директора такой солидной компании, как «Нефптон», решил устроить банкет.

После окончания разговора Борис Евгеньевич какое-то время неподвижно сидел, задумчиво глядя перед собой. В последние дни его не покидало странное чувство беспокойства. Появилось ощущение, будто что-то страшное находится рядом. Ему даже стало казаться, что он чувствует чей-то взгляд из пустоты.

После того как машина с Пешехоновым выехала со двора, его супруга преобразилась. Скинув халат, оставшись в одном нижнем белье, Наталья подошла к огромному, в человеческий рост, зеркалу и придирчиво оглядела себя.

Черные вразлет брови и такого же цвета глаза, слегка отливающие синевой волнистые волосы, спадающие до середины спины, в контрасте с белой кожей и чувственными алыми губами делали ее чертовски красивой. Наталья избегала солнца и никогда не пользовалась солярием. Ее тело, не изуродованное ни жировыми складками, ни родинками, было гладким и ухоженным.

Вдоволь налюбовавшись собой и поправив кружева на черных шелковых трусиках, она взяла трубку телефона и набрала номер.

Когда на другом конце ответили, лицо ее сделалось серьезным и деловым.

– Приезжай. Уточним кое-какие детали.

Уже через пятнадцать минут в дверь позвонили. Выйдя в прихожую и бросив взгляд на экран видеоглазка, Наталья впустила своего двоюродного брата.

Не вынимая рук из карманов кожаного плаща, Александр Михайлович чмокнул родственницу в щеку и, пройдя в гостиную, плюхнулся в большое кожаное кресло, утонув в нем. Его ноги при этом смешно повисли над полом.

– Ну, как настроение? – бросив на сестру настороженный взгляд, спросил он.

– Да никак, – пожалала она плечами, усаживаясь напротив и беря с небольшого стеклянного столика, стоявшего между ними, длинную пачку сигарет.

Бобров вынул из кармана позолоченную зажигалку и, щелкнув ею, услужливо протянул Наташе.

Дождавшись, когда она раскурит сигарету, пристально, даже с какой-то настороженностью посмотрел ей в глаза, словно пытаясь угадать, о чем она думает:

– Не боишься?

– А чего я должна, по-твоему, бояться? Того, что место моего слизняка займешь ты? – Она усмехнулась. – Мне хуже точно не будет. А от этого старикашки уже тошнит.

– Муж как-никак, – показав неровные зубы, улыбнулся Бобер. – Говорят, женщины привывают.

– Какой муж?! – Наталья зло потушила сигарету в хрустальной пепельнице. – Никакого проку. Разве что деньги. – Тяжело вздохнув, она обвела взглядом комнату. – У него уже без «Виагры» не стоит, а что через пару лет будет? Я ведь в два раза его моложе.

– Ничего, сестренка, немного осталось...

– Я одного опасаюсь – это все же убийство. Если докопаются...

– Кто докопается? – На его лице появилось недоумение. – Все будет чики-пики. Комар носа не подточит. Умрет в больнице! Ты же знаешь, что это проверенный вариант.

– Ты имеешь в виду свою Ольгу? – Пешехонова поежилась. – Именно этот момент меня и настораживает. Вдруг кто-то обратит внимание, что в твоём окружении это не первая подобная смерть. Тем более за очень короткий промежуток времени.

– А кому вообще придет в голову наводить подобные справки? – удивился Бобров.

Выпятив нижнюю губку, Наташа пожала плечами и, немного подумав, выпалила:

– Нужно документально закрепить нашу договоренность.

От этих слов его брови взлетели на середину лба, а лицо сделалось удивленно-глупым.

– Это как? – Он немигающим взглядом уставился на сестру. Постепенно недоумение сменилось улыбкой.

– А что здесь смешного? – удивилась она.

– Да ничего. Просто представил название предлагаемого тобой документа. – Он закатил глаза к потолку. – «Договор расчета контрольным пакетом акций ОАО „Нефптон“ за преднамеренное убийство моего мужа по предварительному сговору».

– Прекрати паясничать, – сухо бросила Наташа. – Я просто после его смерти с голой жопой не хочу остаться. Все-таки право на наследство принадлежит мне. И еще, ни о каких акциях речь не идет. Я оформляю доверенность на право управления предприятием. Только и всего.

– А что, кто-то претендует на большее? Я не так выразился.

Бобер достал из кармана платок и, с шумом высморкавшись, неожиданно перевел разговор в другое русло:

– Почему ты не говоришь, как у тебя дела с Андреем?

– А ты не знаешь? – хмыкнула Наташа.

Александр Михайлович усмехнулся:

– Кто вас, баб, разберет. У тебя семь пятниц на неделе. Значит, действительно рожать собралась?

Для Боброва давно не было секретом, что его двоюродная сестренка крутит шашни с Малаховым Андреем Николаевичем, начальником службы безопасности Пешехонова.

Это был высокий стройный брюнет с широким лбом, холодным, пронизательным взглядом и волевым подбородком.

Побывав за время службы в ВДВ практически во всех горячих точках и дослужившись до майора, он попал под сокращение. Оказавшись на гражданке, около года мыкался без дела, проедая с семьей, состоящей из жены и сына, выходное пособие. В конце концов у супруги терпению пришел конец, и он остался один.

В офисе «Нефптона» Малахов появился по объявлению о конкурсе на вакантную должность начальника охраны и на удивление легко оказался основным претендентом на эту вакансию. За два года, которые он возглавлял службу безопасности, у него и Натальи завязались дружеские отношения, постепенно перешедшие в очень близкие.

В том, что Андрей стал любовником Пешехоновой, в большой степени был виноват ее муж. Все свое время отдавая работе, он доверял Малахову сопровождать жену практически во всех поездках.

В принципе идея физического устранения Бориса Евгеньевича принадлежала Наташе и была следствием далеко зашедших отношений.

В свое время ее усилиями Бобров занял место заместителя генерального директора «Нефптона». Бывший начальник административно-хозяйственной части Медицинского университета прекрасно знал, что без помощи двоюродной сестры так бы и остался на бюджетном окладе, влача жалкое существование до нищенской пенсии. Поэтому, когда Наталья предложила ему вариант своеобразного возвращения ей долга за ее старания, причем на взаимовыгодных условиях, он ни секунды не колебался.

За несколько лет работы с Пешехоновым Бобров успел заматереть, превратившись из вечно чем-то недовольного неудачника в благополучного самоуверенного типа. Реализовав весь свой потенциал и обзаведясь соответствующими связями, он вошел в контакт с нужными людьми и обнаружил способности руководителя.

– Мне уже тоже скоро тридцать пять, – Наталья зло посмотрела на брата, – пора и о детях подумать.

– Все! – Бобер поднял руки. – Давай эту тему закроем. Сегодня постарайся сделать так, чтобы твой Борис побольше выпил. Это все, что от тебя требуется.

Он поднялся и направился в коридор, но неожиданно остановился в проходе.

– Слушай, меня мучает один вопрос, – он бросил на сестру осторожный взгляд, словно пытаясь предугадать ее реакцию, – почему ты просто не наняла киллера? Это гораздо дешевле, чем отдать, пусть даже родственнику, целое предприятие.

Пешехонова, медленно встав, подошла к нему.

– Я не нищая, это во-первых, – она едва заметно улыбнулась, – а во-вторых, не хочу оказаться за решеткой.

– Почему? – удивился Бобров, часто заморгал глазами.

– Потому что если бы менты это дело раскрутили, то ты бы воспользовался случаем и либо вложил меня, либо путем шантажа заставил передать тебе управление делами.

– Дура! – Бобров сделал вид, что обиделся, однако от внимания Натальи не ускользнула растерянность, промелькнувшая в его глазах.

– Я угадала?

Неожиданно он побледнел. От злости у него даже задергался уголок губы и щека:

– Угадала лишь наполовину. Я бы оказался главным подозреваемым. – Он пожевал губами и добавил: – А в остальном, может быть, ты и права...

– Дурачок, – грустно вздохнула она, когда за разъяренным именинником захлопнулась дверь, – меня за простужку принимает... И ты долго в этом кресле не усидишь, лысая и толстая обезьяна...

Глава 3

Несмотря на опасения Бориса Евгеньевича, празднование дня рождения обещало выйти на славу. На этот раз он ошибся по поводу организаторских способностей своего заместителя.

Оказывается, незадолго до юбилея в ресторане была закончена серьезная реконструкция и ремонт, что коренным образом поменяло его внешний и внутренний облик.

Теперь вместо одного зала размерами с волейбольную площадку, с аляповатыми обоями на стенах, дешевой светомузыкой и обшарпанными столами было два просторных и уютных помещения, разделенных между собой стеной с абсолютной звукоизоляцией.

Банкетный зал был отделан в стиле восемнадцатого века.

Длинный стол на пятьдесят персон ломился от угощений. Свет от свечей в старинных бронзовых подсвечниках, стоявших здесь же на столе, оригинально сочетался с мягким свечением умело спрятанных в зале светильников.

Стены были украшены старинным оружием и картинами в массивных позолоченных рамах. Каково же было удивление Пешехонова, когда на одной из них он узнал виновника торжества.

– Ну, как? – сбоку появился Бобров.

Он словно дожидался где-то поблизости, когда взор генерального директора упадет на написанный маслом холст, где Александр Михайлович был изображен в полный рост в мундире как минимум генерала.

– Оригинально, – кивнул головой Борис Евгеньевич. – Если бы не лысина, то я бы подумал, что это Наполеон. Ну что, долго голодом будешь морить?

– Тебя ждали, – слащаво улыбнулся Бобров и громко троекратно хлопнул в ладоши: – Господа, прошу к столу!

Как принято, началась официальная часть церемонии, состоящая из чопорных поздравлений и тостов. Подарки вручили еще на входе, где именинник собственной персоной встречал гостей. Принимая от пришедших коробки и цветы, Александр Михайлович, рассыпаясь в любезностях, укладывал их на поднос, который держал переодетый в дворецкого мужчину с пышными усами.

Пока жена вручала своему двоюродному братцу часы «Ролекс», Бориса Евгеньевича так и подмывало проверить, настоящие они или нет.

Позади расположенных за столом стульев для гостей расположились официанты. В расшитых золотом livреях и белоснежных перчатках девушки и парни были как на подбор стройны и красивы. Причем гостям они прислуживали тоже своеобразно. Галантные кавалеры обслуживали женщин, а девушки – мужчин.

Первым, как водится, подчиненного и родственника поздравил Борис Евгеньевич, после чего наступила очередь остальных приглашенных. К своему удивлению, среди присутствующих Пешехонов увидел и управляющих двумя коммерческими банками, Ермакова и Олейника, которые выделяли кредиты на расширение его комплекса. С Бобровым он обсуждал этапы предстоящей работы, но не говорил, какие банки будут в этом задействованы. «Значит, этот пройдоха был знаком с ними давно», – пришел к выводу Пешехонов.

Когда череда поздравлений закончилась, а усиливающийся шум за столом сигнализировал, что празднование в самом разгаре, заиграла музыка. Несколько пар, встав из-за стола, направились танцевать.

– Пойдем, потанцуем, – успевший изрядно захмелеть, Борис Евгеньевич взял за локоть Наталью.

– Извини, мне что-то нездоровится, – она освободила свою руку. – По-моему, я сейчас испорчу застолье.

– Тебе плохо?

– Я смешала шампанское с водкой, – подтвердила она его опасения. – Давай уедем?

Пешехонов опешил. В разгар мероприятия покинуть зал было нельзя. Это могли расценить как дань неуважения к имениннику и гостям. Между ним и Бобровым и так довольно холодные отношения. Не дай бог, это будет замечено приглашенными, а среди них немало людей, от которых зависел успех компании.

– Я провожу тебя до машины, – сухо ответил он и помог ей подняться из-за стола.

– Что-нибудь случилось? – забеспокоился Бобров.

– Наталье нездоровится, – виновато улыбнулся Пешехонов. – Я провожу ее и сразу вернусь.

Бобров направился вслед за ними.

На улице было уже темно и прохладно. Предвидя, что будет выпивать, Борис Евгеньевич взял с собой водителя, который должен был поджидать их в машине, но как назло того на месте не оказалось.

– Не надо было ему говорить, что до часу ночи будем здесь, – занервничал Пешехонов. – Он, видимо, решил, что раньше не понадобится, и свалил домой.

– Я сейчас. – Бобер, обведя взглядом припаркованные рядом с входом в ресторан автомобили и увидев в одном из них человека, направился в его сторону.

О чем-то с полминуты поговорив с водителем, он позвал Пешехоновых.

– Все, вопрос решен, этот молодой человек довезет Наталью до дома, – Бобров кивнул на сидящего за рулем серебристой «Ауди» парня.

– Я боюсь, – неожиданно запротестовала Наташа. – Кто это?

– Я провожу тебя, – Борис Евгеньевич решительно открыл заднюю дверцу: – Садись. Шеф, – обратился он уже к водителю, – обратно довезешь?

– Без проблем, – ответил сидящий за рулем Скоробогатов.

Вскоре они оказались возле дома.

– Сама дойдешь или проводить? – заглянул в глаза супруги Пешехонов.

Ему, разогретому спиртным, не терпелось вернуться назад, хотя еще утром он считал, что не высидит на торжестве и часа. Но алкоголь сделал свое дело, и организм, уставший от повседневной рутинной работы, расслабившись от нескольких рюмок хорошего коньяка, требовал продолжения веселья.

– Нет, провожать меня не стоит. Возвращайся. – Стараясь не смотреть ему в глаза, она чмокнула его в лоб и, выскользнув из машины, направилась к подъезду.

Не дожидаясь команды, Скорый завел мотор и, развернувшись, поехал в обратном направлении.

– А вы тоже кого-то со дня рождения поджидаете? – поинтересовался Борис Евгеньевич. Его душа пела, и ему хотелось с кем-нибудь пообщаться.

Водитель, казалось, не расслышал его вопроса. Неожиданно свернув в темноту какого-то переулочка, он затормозил возле стоявшей с выключенными фарами «Нивы».

– Ты чего? – опешил Пешехонов, но тут же осекся.

Высочившие из внедорожника парни быстро пересели в их «Ауди». Он оказался зажатым с двух сторон какими-то качками. На переднее сиденье, рядом с водителем, плюхнулся еще один мордоворот. Взревев мотором, машина рванула с места. Борис Евгеньевич предпринял попытку вырваться, но, получив удар в висок локтем, отказался от этой мысли. Он сидел молча, пытаясь понять происходящее уже основательно помутненным умом.

Остановив машину на территории заброшенного кирпичного завода, его выволокли из салона и повалили на землю.

– Что вам от меня нужно? – возмутился он и тут же получил еще один удар, уже ногой и в грудь.

С ним не церемонились. Стало страшно, хмель почти улетучился.

– А ты не знаешь? – Кто-то встряхнул его за отворот пиджака, и в тот же момент из глаз брызнули искры, а нос, казалось, превратился в лепешку.

– Бабки гони!

С трудом разлепив вмиг отекавшие веки, он разглядел силуэт парня, сидевшего за рулем.

– У меня с собой меньше тысячи...

– Ты что, недоносок, – возмутился вдруг тот, – издеваешься? Ты еще скажи, что про счетчик первый раз слышишь.

– Какой счетчик?

Парень схватил его за грудки и замахнулся для очередного удара, но, неожиданно опустив руку, отпрянул, вопросительно посмотрел на своих товарищей, стоявших рядом:

– Это не Шнякин!

– Я не Шнякин, – механически повторил Пешехонов и почувствовал радость. Его с кем-то перепутали! Он облегченно перевел дыхание.

– Как? – Кто-то поднес к лицу Бориса Евгеньевича зажигалку. – Екарный бабай!

– Дядя, – его бесцеремонно потрепали за плечо, – а как тебя звать-величать?

Ответ Пешехонова привел бандитов в замешательство. Они принялись обсуждать, как поступить с ним и исправить чудовищную ошибку.

Краем уха слушая их, он вновь стал терять надежду на благоприятный исход недоразумения.

– Мочить его придется, – громом среди ясного неба прозвучало из уст одного из его мучителей.

– Наверняка. А то вложит нас, – поддержал его другой. – Тем более про Шнякина теперь знает.

– Не надо меня убивать, – выдавил он из себя. – Я молчать буду...

Водитель злосчастной «Ауди» вновь присел перед ним на корточки:

– Молчать, говоришь, будешь. – Он хмыкнул. – А как объяснишь жене, кто тебя отделал?

– Найду что сказать, – выдавил из себя Пешехонов. – С кем по пьяни не бывает?

Он старался говорить уверенно, пытаясь запрячь страх поглубже, чтобы слова прозвучали убедительней и не дали его мучителям повода подумать, будто он это лопочет, повинуюсь инстинкту самосохранения.

– По пьяни, говоришь? – Парень посмотрел на своих дружков. – А что, накачаем его сейчас до усеру, чтобы до утра «му» сказать не смог, да выкинем рядом с тем местом, где я его подцепил.

– Пей. – В нос уткнулся край эмалированной кружки с какой-то жидкостью.

Он замотал головой и замычал.

– Пей, сука, иначе хлебало разорву!

Чья-то сильная рука обхватила шею и сдавила с такой силой, что в голове зашумело.

– Это что, – простонал он, – яд?

Раздался смех.

– Пей, придурок. – Парень, сидевший перед ним на корточках, взял из его рук кружку, выпил. – Водка это, чудик. – Он усмехнулся.

– Зачем? – набравшись смелости, едва слышно спросил Борис Евгеньевич и зажмурился, опасаясь получить вместо ответа очередную зуботычину.

– А затем, чтобы встреча с нами показалась тебе глюком.

* * *

Антон Филиппов со скучающим видом сидел в небольшом помещении офиса частного сыскного агентства «Туман», возглавляемого его другом Геннадием Навродским, отрешенно глядя на то, как за окном, в ветвях распустившихся деревьев, прыгают воробьи.

Впрочем, две крохотные комнаты, отделенные от уличного шума массивными железными дверями с видеоглазком, офисом можно было назвать с большой натяжкой, как и коллектив, состоящий из трех человек, агентством.

С бывшим майором милиции Навродским Антон был знаком давно. Проходя службу в одном из спецподразделений ГРУ, во время командировки в Чечню ему довелось принимать участие в деблокировании в Толстой Юрте следственной бригады МВД, в составе которой был и Геннадий, поразивший тогда бывалого офицера спецназа умением воевать. Спустя некоторое время, после увольнения Филиппова из армии, их судьба вновь странным образом свела уже здесь.

Сейчас он поджидал Геннадия, который при его появлении, отложив все дела, направился в ближайший супермаркет за всем тем, чем обычно отмечают встречи.

Едва слышно скрипнув дверью, вошла секретарь Навродского. Виновато улыбнувшись, словно стыдясь своей нескладной фигуры и маленького роста, она присела на краешек стула напротив Антона, с другой стороны стола, стоявшего перпендикулярно к столу хозяина кабинета.

– Скоро «Новости» будут. – Девушка поправила прядь крашенных в рыжий цвет волос, упавших на лоб, и, стрельнув глазками в сторону голубоглазого блондина крепкого телосложения, вновь улыбнулась: – Можно, я телевизор включу? В Чечне опять какую-то машину взорвали...

Антон, тяжело вздохнув, откинулся на спинку стула:

– Пожалуйста. – Он поморщился и с сожалением посмотрел на девушку. – Политикой интересуешься или родом оттуда?

Секретарша еще больше смутилась:

– У меня парень есть, он сейчас как раз там... Сапер...

Но едва она успела взять в руки пульт дистанционного управления, как открылась дверь и вошел слегка запыхавшийся Навродский с пластиковым пакетом в руке.

– Галя, организуй нам тару, из чего пить, и порежь, пожалуйста, это. – Геннадий вручил девушке лимон, палку копченой колбасы и свежий огурец. Затем, не обращая внимания на обиженно надутые губки своей помощницы, выставил на пол, рядом с массивным офисным столом, бутылку «Абсолюта».

Проводив девушку взглядом, он плюхнулся в кресло и принялся открывать банку с оливками.

Исподволь наблюдая за ним, Филиппов про себя отметил, что уход с государственной службы благоприятно повлиял на Геннадия.

Он стал более раскованным, заметно поправился, а с лица исчезла постоянная печать усталости.

– Ну, рассказывай, как дела, чем занимаешься?

Сыщик поставил наконец оливки на стол и весело посмотрел на друга.

Антон поднялся и, обойдя стол, подошел к окну.

– Устал я. – Он задумчиво оглядел пустынную улицу, по которой лишь изредка проносились автомобили, и развернулся в сторону Геннадия: – Не мое это все.

– Ты имеешь в виду улицу или мой офис?

Прекрасно понимая, о чем говорит Антон, Геннадий попытался свести разговор к шутке. Но, видя, что друг лишь сильнее нахмурился и не особо расположен к веселью, тяжело вздохнул:

- Поясни, что тебя не устраивает?
- Жизнь вот такая размеренная, спокойная и почти без проблем.
- Вернуться хочешь? – Брови Геннадия поползли вверх. – Не навоевался?

Антон усмехнулся:

– Я как не в своей тарелке. Все вроде бы хорошо, жена, сын, достаток. Живи, не тужи. Но вот какая-то тоска заела. – Он кивнул на выключенный телевизор: – Еще как этот ящик посмотришь, так сердце щемить начинается.

– Сейчас мы твою тоску развеем – Геннадий, натянуто улыбнувшись, принялся откручивать пробку бутылки.

Вошла секретарша, неся в руках поднос с двумя небольшими рюмками и тарелочками, на которых была выложена закуска.

– Хлеб забыл купить, – подсадовал Геннадий, осматривая выставленную на стол снедь. – Ну ничего, перебьемся.

Выпив за встречу и закусив лимоном, они с минуту сидели молча.

– Значит, говоришь, тоска заела? – наконец, задумчиво глядя на Антона, переспросил Навродский. – Может быть, у меня поработаешь?

От такого предложения Антон даже поперхнулся:

– В качестве соглядатая за неверными женами или мужьями?

Для него не было секретом, что подобного типа бюро используют супруги, чтобы уличить свою половину в измене.

– Значит, я, по-твоему, соглядатай? – грустно усмехнулся Геннадий.

– Я не совсем точно выразился, – спохватился Антон, поняв, что обидел друга. – Специального образования у меня нет, навыки оперативной работы отсутствуют. В каком же еще качестве меня можно использовать?

– Брось приbedняться. – Геннадий вновь наполнил рюмки. – Есть у меня одна заморочка, которую самостоятельно, в одиночку, я решить не смогу.

– У тебя же помощник есть, – удивился Антон, намекая на третьего сотрудника «Тумана», коим был Горяинов Петр Викторович, бывший майор милиции, в отличие от Навродского ушедший из органов не по собственному желанию, а по достижении предельного возраста.

Это был невысокий, наполовину облысевший сорокашестилетний мужчина с умным, проницательным взглядом.

Всю свою жизнь проработав следователем, он отлично разбирался в криминалистике, хорошо знал ситуацию в городе и был знаком практически со всеми криминальными авторитетами области.

Геннадий поморщился:

- В этом вопросе он мне не помощник.
- Почему? – удивился Антон, беря из рук Навродского протянутую дольку лимона.
- Тип внешности у него не тот, и менталитет не соответствует.
- Странно. – Антон с интересом посмотрел на собеседника. – Что же это за задача такая?
- Задача проста, – после того как снова выпили и закусили, вновь заговорил Геннадий. –

Пройти курс лечения в одном из медучреждений города.

– Наверняка в психушке, – хмыкнул Антон, с интересом посмотрев на друга, пытаясь понять по его виду, угадал он или нет.

– Почему ты так решил? – удивился сыщик.

– В основном об этих заведениях ходят страшные слухи.

– Ты почти угадал, – немного подумав, сказал Геннадий. – Наркологический диспансер и психушка – почти одно и то же. – Он тяжело вздохнул. – Понимаешь, два месяца назад ко мне обратилась одна женщина. С ее братом произошла на первый взгляд банальная история. Крепко приняв на грудь во время празднования дня рождения своего заместителя в одном из ресторанов города, он очутился на Ясной в состоянии алкогольного психоза.

– Это что, белая горячка? – уточнил Антон, не особо разбирающийся в медицинской терминологии.

– Она самая, – кивнул Геннадий. – Так вот, к утру ей сообщили, что он скончался от глубокой алкогольной интоксикации.

– Ну и что? – удивился Антон. – Ну, переборщил мужик, выпил сверх нормы...

– Погоди, – Геннадий поднял указательный палец вверх. – Я тоже сначала так подумал, но есть несколько «но». Первое, он очень редко выпивал и знал норму. Вел здоровый образ жизни. Во-вторых, имел свою долю нефтяного пирога в регионе, и довольно внушительную. – Навродский тяжело вздохнул и, откинувшись на спинку кресла, ослабил галстук. – Я тогда лишь развел руками, решив, как и ты, что человек хватил лишку. Однако неделю назад, как раз перед праздником Победы, ко мне пришла еще одна женщина. У нее примерно таким же образом в том же учреждении сгинула племянница, но значительно раньше. Она тоже не верит в то, что это последствия выпивки. Девке двадцать пять лет. Поводом для недоверия тетки послужило письмо племянницы, написанное незадолго до смерти.

– И о чем же она поведала в письме?

– Она написала, что отношения ее с возлюбленным в корне расстроились после лечения в наркологии. Он потерял к ней всяческий интерес.

– Любопытно, – хмыкнул Антон. – Она что, алкоголичка?

– Что-то вроде того, но не в этом дело. В том же письме она рассказала о каких-то документах, оформленных на ее имя. Якобы ее гражданский муж, хоть и охладел к ней, но все же без средств к существованию не оставил. Когда же тетушка задала вопрос ее благоверному, тот лишь пожал плечами, сказав, что в первый раз об этом слышит.

– А она чем занималась? – В глазах Антона появился интерес. – Тоже бизнес?

– Нет, – Геннадий загадочно посмотрел на Филиппова, – в этом-то и все дело. Умершая была на содержании того самого заместителя, после дня рождения которого позже гикнулся генеральный директор «Нефптона».

Некоторое время Антон, с задумчивым видом глядя перед собой, тер указательным пальцем подбородок. Затем перевел взгляд на Геннадия:

– Не вижу смысла многоходовых комбинаций в случаях устранения неугодных людей. Зачем в больницу везти, если можно просто пристрелить в подъезде или куда-нибудь вывезти.

– Расслабила тебя сладкая жизнь, – усмехнулся Навродский. – Во всех остальных случаях уголовные дела возбуждаются либо человека в розыск объявляют. Обязательно очерчивается круг подозреваемых. Хоть какой-то риск есть. Здесь же – все чисто. Комар носа не подточит.

– Как я понял, ты предлагаешь мне очутиться там в качестве конченого алкаша?

– По-другому никак не выходит, – вздохнул Навродский. – Не пойдешь же ты туда в качестве врача-нарколога.

– Подготовка соответствующая нужна, – после паузы проговорил Филиппов. – Может, мне с бомжами на вокзале пожить?

– Считай, что это первый этап, – кивая на бутылку водки, уже наполовину опустевшую, ответил Геннадий. – Вообще-то, если это не случайное совпадение и диспансер используют в качестве последней станции в конце жизненного пути, перед тем как опустить человека в могилу, то наше расследование может закончиться очень печально.

– Почему? – удивился Антон, которому после почти годичной давности разборок с чеченцами в Самаре и представителями преступного мира столицы история с медучреждением казалась чем-то вроде прогулки за грибами.

– Понимаешь, – Геннадий внимательно посмотрел в глаза Антону, – вариантов того, что происходит там, много. Если за основную версию брать внутренние разборки в «Нефптоне», а именно – борьбу за власть, то можно предположить, что заместитель генерального директора либо запугал, либо подкупил персонал. Кстати, он наполовину состоит из тех, кто там проходил лечение.

– Как это?

– Очень просто. После того как человека приводят в норму, он должен в качестве платы за лечение около двадцати дней отработать кухонным работником, слесарем, дворником или, – он выдержал паузу, – санитаром.

– Так это обыкновенный лечебно-трудовой профилакторий! ЛТП! – воскликнул Антон. – Они же ментами охраняются, как «зоны».

– Это уже в прошлом. Сейчас милиции на всех не хватает, – покачал головой Навродский. – Прошли те времена. Охрана также из числа бывших больных.

Антон надолго задумался, пытаясь переварить услышанное. Наконец, поднял на Геннадия взгляд:

– Тогда непонятно, зачем этот самый заместитель сначала свою подругу жизни лишил.

– Чего тут непонятного? – удивился сыщик. – Возможно, она знала о его планах в отношении генерального, а когда тот поставил ее перед фактом, что стала не нужна, попыталась его шантажировать.

* * *

Александр Михайлович вздрогнул от неожиданности, когда, войдя уже в свой кабинет генерального директора «Нефптона», увидел сидящего в его кресле Скоробогатого.

– Ты... Ты как здесь оказался? – Он покосился на дверь, через которую только что вошел.

– Секретарши еще не было, когда я появился, – сказал Вадим. – А замок этот, – он поднял со стола связку каких-то крючков, иголочек и тряхнул ими, небрежно держа на пальце, – для лохов.

С видимой неохотой Вадим поднялся из глубокого, удобного кресла, уступая его новому хозяину кабинета, и подошел к окну.

Бобров снял пальто, повесил его во встроенный в стену шкаф, причесался и, взяв себя в руки, прошел на свое место.

– Зачем пожаловал?

Скорый посмотрел на торчащую из-за спинки кресла лысину:

– Я относительно расчета за услуги...

– Не понял. – Бобров всем телом развернулся в его сторону. – По-моему, мы уже считались.

– Неужели? – Скорый подошел вплотную к столу и уперся в него руками. – Моими усилиями ты сейчас занимаешь это место и смеешь так говорить?

Бобров побледнел от злости:

– Ты что себе позволяешь?! Ты что мне тыкаешь?

– Алексей Михайлович, – кривляясь, с сарказмом в голосе заговорил Скорый, – вы оценили мою работу в десять штук «зелени». То есть мой риск, связанный с похищением лепилы и его обработкой, вливание через воронку водки в Пешехона и все прочее, связанное с вашими интрижками, в десять тысяч долларов на шестерых человек, тогда как себе отхватили одной только недвижимости на сотни миллионов.

Выдержав паузу, разглядывая новоиспеченного генерального директора, он криво усмехнулся:

– Как ты считаешь, что сделают небезызвестные тебе люди, когда узнают, каким именно образом ты занял эту должность?

Бобер заерзал, словно ему стало неудобно сидеть, затем зло посмотрел на Скорого:

– А ты собираешься в стороне остаться?

– Мне легче в тину уйти, – улыбаясь, ответил Вадим. – Да и кто будет со мной разбираться? Нужен я больно. Не будь меня, ты бы других нашел. Так что с тебя весь спрос.

Бобров приуныл.

– Ладно, что ты еще хочешь?

Ответ Скорого ошарашил.

– Место заместителя пустует...

Александру Михайловичу показалось, что он ослышался. Его лицо сделалось бледным от негодования.

– Ты в своем уме?! У тебя же ни образования, ничего... Два курса института!

– Жизнь мой институт, – перебил его Скорый. – Ладно, пока подумай. С этим решением я тебя не тороплю, а вот сумму за услуги попрошу утроить.

С этими словами он вышел.

Как только за Скоробогатовым закрылась дверь, Бобер заметался по кабинету. «Что делать?!» – пульсировало в голове. С одной стороны, этот бандюган ни перед чем не остановится. С другой – пойдя ему на уступки – и обеспечен конфликт с Пешехоновой, которая заблаговременно выдвинула одним из условий оформления доверенности назначение замом генерального своего любовника Малахова.

«Может быть, предложить Скоробогатову возглавить службу безопасности? – неожиданно мелькнула у него мысль, но он тут же ее отверг: – Гаденыш уже почувствовал вкус крови и чересчур заносчиво держался, переведя тем самым себя в разряд ненужных людей».

Еще с полчаса поразмышляв, Александр Михайлович принялся искать в записной книжке номер телефона Лузина.

Уже через час Игорь сидел у него в кабинете.

Александр Михайлович некоторое время расспрашивал Лучку о его жизни, внимательно всматриваясь в этого коренастого парня с холодным, равнодушным ко всему взглядом, боясь в очередной раз ошибиться в своем выборе.

Лучок недоумевал, почему его персона вдруг вызвала у Бобра интерес.

Наконец, окончательно сделав выбор, Бобров перешел к делу:

– Игорек, ты, как мне известно, юридический институт закончил?

– Ну, в общем-то, да, – усмехнулся парень. – Только я по своей специальности ни дня не проработал.

– Это не имеет значения. Просто мне необходимо, чтобы ты понаблюдал за моими перемещениями по городу.

– С какой целью?

– Глянуть надо, не будет ли «хвоста».

– А что, есть предпосылки?

– Нет, но проверить лишний раз не помешает. – Давая понять, что разговор окончен, Бобер открыл лежащую перед ним папку с документами и, словно забыв о сидящем в кабинете человеке, углубился в их изучение.

Вечером, подъехав к дому, Александр Михайлович не торопился покинуть машину. Опустив немного спинку сиденья и отрегулировав зеркало заднего вида с таким расчетом, чтобы в него был виден въезд во двор, оказавшийся позади машины, он принялся ждать.

Спустя несколько минут с улицы свернула «Нива». Уже достаточно стемнело, и цвет машины было невозможно разобрать, но в вышедшем из нее человеке Бобер сразу узнал Лучку.

– Ну, как? – спросил Александр Михайлович, как только Игорь, усевшись рядом, закрыл за собой дверцу. – Что-нибудь заметил?

Тот неопределенно пожал плечами:

– Вроде бы чисто.

– А я и не сомневался, – неожиданно выпалил Бобров. – Просто мне нужен был повод остаться с тобой наедине.

Несмотря на скрытую угрозу Скорого, Александр Михайлович пока не опасался его. Он прекрасно понимал, что бандит сначала будет ждать ответа на свое требование, а вот если он его не устроит, тогда уже и следует остерегаться не только слежки, но и чего-нибудь посерьезней.

Лузина сказанное Бобром удивило.

– Можно было и попроще объяснить, а то я весь день как на иголках... Головой так крутил, аж шею натер.

Затянувшееся молчание Бобра насторожило Игоря. Он напрягся. Заметив это, Александр Михайлович по-барски похлопал его по плечу.

– Не тушуйся, все нормально. Или ты в мужеложестве меня подозреваешь? – неожиданно нагнувшись к нему, вполголоса спросил он и громко рассмеялся.

Как ни старался Бобров создать перед началом разговора непринужденную обстановку, Лучок был не лыком шит и заметил в голосе у шефа нотки фальши, неуверенности и даже боязни перейти к серьезному разговору.

– Вообще-то я об этом и не подумал, – смутился Игорь.

– Ладно, это я так. – Лицо Александра Михайловича вновь сделалось серьезным. – Я с тобой, Игорь, хочу поговорить на одну щекотливую тему. – Он выдержал паузу, вздохнул. – Но перед этим ты мне должен дать слово, что о нашем разговоре никто больше не узнает.

– Даже Скорый?

Задав этот вопрос, Лучок заметил, как Бобер вздрогнул.

– Он в первую очередь.

– Как скажете, – теряясь в догадках, пожал плечами Игорь. – Никто, так никто. Будь по-вашему.

– Ну, вот и хорошо. – Удовлетворенный ответом, Бобров проводил взглядом проходившую рядом с машиной женщину с собакой. – Как тебе известно, не без вашего участия я занял нынешнее положение. – Он специально построил фразу таким образом, чтобы дать понять Лучку, что основная роль во всем этом принадлежит не им, а ему.

Дождавшись, когда сказанное дойдет до Лузина, он продолжил:

– Теперь мне нужны надежные и преданные люди.

– Так мы вроде бы и так... – открыл было рот Лучок, еще не понимая, к чему клонит босс, но тот остановил его, дотронувшись до руки:

– Не спеши. Тебе известно, что Скорый принялся меня шантажировать?

– Как это? – растерялся Лузин. Его глаза округлились от удивления. – Вадим?!

– Именно Вадим, – подтвердил Бобров, довольный тем, что по интонации Лучка стало ясно – он не при делах.

Дав возможность Игорю прийти в себя, Александр Михайлович вопросительно посмотрел на него:

– Ты как планируешь дальше жить?

– Как? – Тот неопределенно пожал плечами. – Не знаю.

– Собираешься до старости душу из лохов вытряхивать? Несolidно. Да и редко кто на таком попроще хорошо заканчивает. Либо тюрьма, либо похороны.

– Вы хотите что-то предложить? – Лучок оживился.

Александр Михайлович понял, что тот и сам задумывался над этим вопросом.

– Предлагаю тебе возглавить мою службу безопасности, но для начала ликвидируешь этого подонка. Каким образом, уже знаешь.

– А куда Малахова денете? – осторожно поинтересовался Игорь.

Бобров, догадавшись, о чем подумал Лучок, рассмеялся:

– Да куда я его девать не собираюсь. Пусть живет. Наоборот даже, на зама планирую.

Глава 4

Вживание Филиппова в образ закоренелого алкоголика имело продолжение уже вечером. Не успевший до конца протрезветь после утренней встречи, Навродский заявился к Антону домой.

Услышав звяканье бутылок в пакете, который Геннадий поставил на кухонный стол, Антон почувствовал, как к горлу подступил тошнотворный комок. Он недовольно поморщился:

– А это еще зачем?

– Туда, где ты в скором времени окажешься, трезвенников не берут, – на полном серьезе ответил Геннадий, доставая из кармана пиджака потрепанный паспорт. – Более того, ты должен проявить способности артиста и убедить эскулапов в том, что у тебя съехала крыша. Это тебе.

Всучив Антону паспорт, он плюхнулся на стул.

– Для чего? – удивился Антон, перелистывая страницы. – И откуда у тебя моя фотография?

– От верблюда, – усмехнулся Геннадий.

– Ковалев Даниил Владимирович, – прочитал он свою новую фамилию и имя и перевел удивленный взгляд на друга: – Когда ты успел его сделать?

– Давно уже, – Геннадий расплылся в улыбке и хлопнул Антона по плечу. – Я знал, что ты мне не откажешь. Там прописка другая. Это на всякий случай, чтобы максимально обезопасить твою семью. Ого! – воскликнул он при виде вошедшей жены Антона Регины с малышом на руках. – Ну-ка, дай мне крестника!

После рождения Олега она сильно изменилась, превратившись из хрупкой, неловкой голубоглазой блондинки со скромным и тихим характером в уверенную в себе женщину.

Освободившись от малыша, Регина увидела принесенный Геннадием пакет, из которого торчали два бутылочных горлышка.

– Гена, ты что, из моего мужа алкоголика хочешь сделать? – Пытаясь показаться строгой, она нахмурила брови и надула губки.

Антон рассмеялся.

– Ты даже не представляешь, – сквозь слезы выдавил он, – как попала в самую точку...

Через два дня, под вечер, к пропускному пункту наркологического диспансера, расположенного на Ясной, подъехало такси с тремя пассажирами на заднем сиденье.

Антон, зажатый с двух сторон «родственниками», роль которых исполняли помощник Навродского Горяинов и секретарша Галина, имел довольно жуткий вид.

Лицо, покрытое трехдневной щетиной, отливающей медью, было изрядно помятым и осунувшимся. Под глазами болезненная синева – результат бессонной ночи, которую они с Геннадием в компании с психиатром Шестаковым коротали за бутылкой «Столичной», изучая клинику болезни и репетируя в промежутках между тостами ответы на вопросы врачей и поведение в больнице.

Приведенный Навродским доктор был его давним знакомым. Еще работая в органах, Геннадий успешно раскрыл квартирную кражу, где в роли потерпевшего оказался Шестаков.

Филиппов невольно улыбнулся, вспомнив лицо Навродского на следующее утро.

– Ты, главное, Антоха, терпи там все. – Он громко икнул. – Сама система подобных учреждений построена на том, чтобы создать невыносимые условия и отбить желание оказаться там еще раз.

Доктор мотнул головой и расплылся в улыбке.

– Ген, ты ему это уже пятый раз говоришь, по-моему, не его, а тебя придется туда везти. – Он перевел взгляд на Антона: – Ему уже и прикидываться не надо...

В дверях небольшой будки проходной появился охранник. Не спеша подойдя к машине, он заглянул внутрь.

– Дальше только пешком. Вы к кому? – приняв сидящих в такси за близких, приехавших навестить кого-то из родственников, спросил он. Однако, переведя взгляд с Горяинова, открывшего было рот для ответа, на Антона, скривился в ехидной улыбке: – Так вы клиента своим ходом доставили? – Мужчина хлопнул себя по коленям и выпрямился. – Как к первому корпусу проехать, знаете?

– Знаю, – неожиданно ответил за пассажиров таксист. – Чай, не первый год баранку кручу.

– Тогда валяйте! – бросил уже на ходу, направляясь открывать ворота, охранник.

– Фамилия, имя, отчество? – Дежурный врач приемного отделения посмотрел на сидящего перед ним Антона и, не дожидаясь ответа, перевел взгляд на Галину: – Давно пьют?

– Я не пью, – проворчал Антон, зло посмотрев на свою «супругу». Это она мне что-то в еду подмешивает...

– Месяц, – вздохнула Галя.

– До этого запои случались? – продолжал задавать вопросы доктор.

– Да ни на одной работе больше месяца не задерживается, – вздохнула Галина. – Как зарплата, неделю я его не вижу...

У измотанной дневной жарой и надыхавшейся в машине перегаром девушки ответ прозвучал настолько реально, что в глазах у доктора появилась жалость к этому хрупкому созданию, измученному мужем-алкоголиком.

– У него черти уже прыгают, – продолжала между тем она, все более убедительно входя в роль. В руках у нее появился платочек, которым, как бы невзначай, она промокнула выступившие вдруг слезы. – Всю ночь с фонариком под диваном ползал, а к утру утюг в окно запустил. – Она всхлипнула. – Хорошо, брат погостить приехал. – Галя с благодарностью посмотрела на безучастно стоящего в стороне Горяинова.

– Зачем окно разбил? – вновь развернувшись в сторону Антона, спросил врач.

– Его дружки заглядывали, – пробормотал Антон, кивнув головой в сторону Горяинова, одновременно с опаской посмотрев под стол. – Не брат он ей никакой, а любовник.

– Кто на четвертый этаж заглянуть может? – простонала окончательно вошедшая в роль Галина. – Карлсон?

Доктор безучастно наблюдал за семейной сценой. К этому он давно привык. Ежедневно становясь свидетелем самых разных историй – от смешных до трагических, медперсонал здесь давно разучился над этим смеяться или горевать, хотя Горяинов едва сдерживал смех.

Галина, стараясь максимально изменить свою внешность, отказалась даже от очков. Теперь близорукий прищур делал ее похожей на сильно уставшую женщину. В общем, сцена была очень правдоподобна.

– В седьмую палату, – наконец приняв решение, вздохнул врач, кивнув санитару на Антона.

Взяв Филиппова под локоть, тот повел его по коридору, остановился перед массивными металлическими дверями и нажал на кнопку звонка. Двери открыли двое его коллег плотного телосложения, в коротких халатах.

– Что, нашего полку прибыло? – ехидно улыбнулся один из них, показав желтые от никотина зубы.

– Добро пожаловать в ад, – прохрипел второй, подхватив Антона под локоть. – Вязать не надо?

– Присмотреть не помешало бы. Буянил, – ответил за него провожатый, закрывая двери снаружи.

Антон провели по длинному коридору, отделанному кафельной плиткой, с тусклым освещением. В горле першило от зловония. Воздух был заполнен запахом мочи, фекалий, перегара и пота. В сочетании с запахом медикаментов и дезинфицирующего раствора этот букет усилил тошноту.

Справа и слева располагались палаты. Дверей не было, но на некоторых имелись решетки.

То и дело навстречу попадались люди, скорее похожие на тени. Едва передвигая ногами, сгорбленные, худые и пожелтевшие от запоев мужчины и женщины с безразличием в глазах провожали его взглядом.

«Вот где фильмы ужасов снимать надо, – мелькнуло в голове у Антона. – Как будто из могил повставали».

Филиппова втолкнули в палату и уложили на кровать. Он почувствовал, что матрац влажный и от него разит нечистотами. Непроизвольно он скривился.

– Не нравится? – заметив это, усмехнулся один из санитаров. – Плати бабки, и поместим в палату для «новых русских» алкоголиков.

– С телевизором и джакузи, – подтвердил второй.

Несмотря на некоторую небрежность в обращении, Антон заметил: парни обратили внимание на то, что новый пациент в отличной спортивной форме, и прониклись к нему уважением.

– Ты, никак, недавно бухать начал? – спросил один из них, привязывая его левую руку к кровати.

Промычав что-то нечленораздельное, Антон округлил глаза:

– Зачем вяжешь?!

– Сейчас тебе систему поставят, – ответил второй, – не дай бог, уснешь и повернешься...

Вошла медсестра со штативом и двумя флаконами какой-то прозрачной, отливающей синевой жидкостью.

Антон отвернулся к стене и закрыл глаза. Ему по-настоящему было плохо.

* * *

Наталья медленно проехала вдоль улицы, внимательно осматривая стоящие у обочины автомобили, и наконец облегченно вздохнула. Машины, которая за два дня несколько раз попала ей на глаза, не было.

– Показалось, – успокоившись, прошептала она, увеличивая скорость, чтобы перестроиться во второй ряд. Неожиданно ее словно ударило током. В зеркале заднего вида вновь появилась темно-синяя «БМВ» со знакомой паутиной трещин на лобовом стекле.

«Господи, – пронеслось в голове, – точно – слежка!»

От страха в горле пересохло. Потеряв самообладание, она поздно заметила, как светфор загорелся красным. Чудом проскочив перекресток под скрип тормозов и рассерженные автомобильные гудки, она проехала еще квартал и, свернув с шоссе в сторону набережной, запетляла по тихим улочкам Старого города.

«БМВ» пропала. Окончательно убедившись, что «хвост» исчез, она въехала во двор старого двухэтажного дома и, завернув за его угол, заглушила двигатель.

Постепенно страх отступил. Достав сотовый и еще раз для верности осмотревшись, Наталья набрала номер Боброва.

– За мной следят! – без обиняков бросила она в трубку, едва тот успел ответить.

– Тебе показалось, – уверенно заявил он.

– Нет, это точно, – женщина говорила тихо, с опаской.

«А что, если телефон прослушивается! – Ее снова бросило в жар. – Неужели милиция обо всем догадалась?»

– Приезжай в офис, – словно прочитав ее мысли, предложил Александр Михайлович. – Здесь и поговорим.

– Легко сказать, «приезжай», – вслух проговорила она, однако, включив заднюю передачу, принялась выезжать со двора.

Неожиданно запиликал сотовый. Чертыхнувшись, Пешехонова остановила машину и приложила трубку к уху.

– Слушаю.

– Здравствуйте, – раздался незнакомый мужской голос. – Если не ошибся, это Наталья Юрьевна?

– Кто же еще? – подтвердила она предположение незнакомца, отметив про себя, что голос у него приятный. – Может, вы представитесь?

– Меня зовут Григорий. Я бы хотел извиниться перед вами...

– За что? Это во-первых, а во-вторых, я понятия не имею, кто вы.

– Мне тяжело вам объяснить. – На том конце замолчали.

Чувствовалась какая-то нерешительность звонившего. В другой раз Наталья просто бы отключила телефон, но сейчас ее что-то удерживало от этого. Может, приятный, располагающий к себе и немного успокаивающий баритон звонившего был тому причиной, а может, желание немного отвлечься от нехороших, назойливых мыслей.

– Объясните, как можете, – подбодрила она его.

– В общем, я ваш поклонник...

– Что?! – От удивления у нее вытянулось лицо. – Какой еще поклонник?

– Вы меня не знаете, но я опасаясь, что сегодня имел неосторожность вас напугать.

– Как? – не поняла она.

– Понимаете, вы мне очень нравитесь...

– Вот как, – сказала она, теряясь в догадках, кто этот незнакомец.

– Просто я знаю о вашем горе, и мне было неудобно пойти на прямой контакт. Однако желание видеть вас, бывать там, где бываете вы, заставило меня несколько последних дней следовать за вашей машиной...

– Так это вы! – Пешехонова захлебнулась от негодования, наконец узнав, по чьей милости она чуть не сошла с ума со страха и не разбилась на машине. – У вас синяя «БМВ» с треснувшим лобовым стеклом?

– Да, именно так, – подтвердил незнакомец. – Извините. Я не думал, что напугаю вас. Понял это только тогда, когда вы рванули на красный...

– Вот что, Григорий, – перебила она его, – оставьте свою глупую затею и забудьте номер моего телефона.

Ответив так резко и отключившись, Пешехонова тем не менее почувствовала облегчение.

«Чего только в жизни не случается, – улыбнувшись сама себе в зеркале заднего вида, подумала она, поправляя прическу и критически оглядывая свое лицо. – А все-таки хотелось бы взглянуть на этого Гришу...»

...Наблюдая за перемещениями Натальи Пешехоновой по городу, сегодня Геннадий заметил странные изменения в ее поведении.

Из своего подъезда она вышла в каком-то напряжении. Даже с большого расстояния было заметно, что женщина чем-то сильно напугана и неумело пытается это скрыть. Пока шла к машине, она беспрестанно оглядывалась.

Быстро юркнув в свой «Ниссан-Патрол», еще с минуту разглядывала стоящую возле дома «Волгу», в которой сидели двое мужчин. Лишь когда из подъезда, расположенного рядом, вышла женщина с ребенком на руках, которую, как оказалось, и поджидали, она завела мотор.

Выехав со двора медленней, чем позволяла дорога, проехала рядом с тем местом, откуда он два дня подряд начинал за ней следить, выезжая следом на взятой во временное пользование по доверенности машине хорошего знакомого.

Эта «БМВ» заметно выделялась среди своих четырехколесных собратьев не только синим цветом, вытесненным из моды «металликом», но и трещинами на лобовом стекле. Но деваться было некуда. Осуществлять наблюдение на своей машине было намного опасней. Не составит большого труда заинтересованным людям по номеру определить владельца, а затем, узнав, что он возглавляет детективное агентство, догадаться, какие цели преследует ее хозяин.

«БМВ» же была оформлена на липовые документы. Паспорт, правда, еще старого образца, и права на имя Вобликова Григория Яковлевича у него остались со времен работы в милиции. Утерянные около года назад, они так и не нашли своего владельца, подобно тем, которые он переделал для Антона.

Мотаясь по городу за Пешехоновой, Навродский лишь уповал на обычную женскую невнимательность.

Сегодня поведение опекаемой им гражданки навело Геннадия на мысль, что он «засветился». Создав аварийную ситуацию, дамочка, как говорится, «ушла в точку».

Проехав следом еще с полкилометра, он свернул направо, бесцельно прокатился в сторону Речного вокзала и в конце концов остановился. «Может быть, просто задумалась и не заметила светофор», – тешил он себя надеждой, глядя на проносившиеся мимо автомобили и вслушиваясь в треск приемника, настроенного на частоту передающего устройства, находящегося в машине Пешехоновой. Стоит ей заговорить в радиусе до трехсот метров от его машины, он услышит, если, конечно, не будет никаких помех.

«Жучок» удалось установить в самом начале наблюдения, прицепить ко дну дамской сумочки, в небольшую складку. Последнее ноу-хау российских спецслужб, привезенное им из Чечни в качестве трофея, было хоть и больше аналогичных моделей, но имело ряд преимуществ в мощности передачи сигнала и в удобстве установки. Одна половина плоского, похожего на пятирублевую монету устройства была заклеена тонкой пленкой. Оторвав ее и прижав поверхностью к любому, даже влажному, предмету, можно было уже не волноваться за его сохранность. Именно так он и поступил, когда в первый день, желая поближе разглядеть Пешехонову, пристроился позади нее в супермаркете.

Неожиданно сквозь треск и шум помех стали пробиваться звуки работающего двигателя.

«Неужели направляется в мою сторону?» – не веря в удачу, он весь превратился в слух.

Звуки становились все отчетливей. Послышался скрип тормозов, какая-то возня. Неожиданно к общему фону добавилось характерное при наборе номера на сотовом телефоне попискивание.

Так и есть! Пешехонова звонила Бобру. С самого начала разговора он понял, что действительно «засветился».

Сигнал был отчетливым. Надеясь увидеть ее машину, он осмотрел окрестности. Затем, уповая на случайность, проехал по дворам домов, которые, сгрудившись в этом районе, образовывали настоящий лабиринт. В конце концов сигнал стал тише, а через несколько минут пропал совсем.

Нужно было что-то предпринимать. Если сейчас Пешехонова убедит Бобра в реальности слежки, то это коренным образом меняет дело. Возможна смена ролей, и уже он, а не Пешехонова, будет в роли объекта наблюдения. Учитывая многочисленный состав службы безопасности «Нефптона», с этой задачей они справятся легко.

Неожиданно у него появилась идея. Полистав записную книжку, куда он переписал номера телефонов, находившихся в распоряжении семьи Пешехоновых, и отыскав номер Натальи, он достал сотовый...

* * *

За несколько дней, проведенных за закрытыми дверями стационара, Антону основательно надоело «лечение». Нет, к капельницам и пилюлям он относился философски, успокаивая себя тем, что хуже, чем от трехдневной пьянки, от них не будет.

Проблема была «в ограничении свободы перемещения», как выразился лежащий вместе с ним в одной палате юрист по образованию, а по жизни – дворник Василий.

Вообще, скучать здесь не приходилось и даже было забавно. Сюда попадали люди самых разных специальностей, возрастов и национальностей. Каждый со своей запутанной и зачастую смешной историей.

Врачи, безработные, юристы, преподаватели вузов, рабочие речного порта и дворники – во всех без исключения слоях населения были люди, не знающие меры в употреблении спиртного.

Первые несколько дней режим был жесткий. Ни тебе телевизора, ни прогулки по свежему воздуху, ни посетителей. Даже поговорить было не с кем. Да и о чем можно говорить с человеком, если он с трудом ориентируется в пространстве и времени.

После того как у пациентов появлялись признаки разума и они начинали осознавать реалии окружавшего мира и безошибочно находить туалет, их переводили в разряд «оживших» с переселением в более комфортабельные палаты. Здесь продолжительность пребывания была такой же, как и до этого. Немного отличались процедуры. Этот период Антон про себя сравнил с декомпрессией у водолазов-глубоководников. Поднимаясь с большой глубины, они некоторое время проводят в специальных барокамерах.

Своеобразная реабилитация была и здесь.

В конце недели их наконец выпустили из «обезьянника», как прозвал про себя первый корпус Филиппов. Теперь они на все оставшееся время лечения были размещены в другом здании.

– Завтра с утра распределят нас на работы, и будет гораздо веселее, – пробасил стоящий посреди палаты Белый.

Этот высокий и полный мужчина имел непропорционально развитую фигуру. Большую голову, крупное туловище и тонкие руки и ноги.

Поначалу Антон считал, что кличка Белый приклеилась к нему из-за болезненного цвета кожи. Лицо его было словно обескровлено, что особо подчеркивало красноту под глазами. Десятки полопавшихся сосудов, словно пьющие кровь паучки, расположились на щеках.

Оказалось, что прозвище было производным от его фамилии – Беломестнов. За свои пятьдесят лет он уже трижды лечился от алкоголизма, два раза именно в этом заведении. Антон не мог понять, как при такой любви к «зеленому змию» он смог всю жизнь проработать электриком и при этом остаться живым.

– У меня уже четвертая ходка, – продолжал между тем басить Белый. – Я уже, по воровским понятиям, в законе.

Все рассмеялись.

Тот прошел к своей кровати, стоящей рядом с койкой Филиппова.

С самого начала Антон старался наладить с ним контакт. Впрочем, в первые несколько дней это было сделать сложно. Люди еще «ловили отходняк», прислушиваясь к работе своих внутренних органов, приходящих в норму после запоев, как механик корабля прислушивается к работе судовых механизмов после выхода судна из штормового района.

Сейчас, напротив, шло интенсивное сближение. Это было вызвано определенной заинтересованностью. Зная, что впереди довольно большая трудовая повинность, все старались приглядеться друг к другу и попасть в нормальный трудовой коллектив.

– Слышь, Белый, а ты как здесь очутился? – пытаюсь разговаривать соседа, спросил Антон.

– А что тебя это так интересует? – усмехнулся тот. – Так же, как все.

– Что, тоже «белку» словил?

Белый беззвучно рассмеялся.

– Еще какую! – Он хлопнул себя по коленям. – Сколько раз себе говорил, завязывать надо, и снова...

– А что, черти лезли? – продолжал наседавать Антон.

– Короче, после очередного запоя, как обычно, сон пропал. Одну ночь не могу уснуть, вторую, третью, на четвертую уже гул в голове, а под утро мерещиться стало, что радио за стеной работает.

– Слуховая галлюцинация, – встрял в разговор стоящий рядом еще один хроник, краем уха услышавший разговор. – У меня была.

– Так вот, – продолжал Белый, – чувствую, еще одна ночь, и крыша съедет. День кое-как продержался, вроде ничего, а на вечер «мерзавчика», ну, сто пятьдесят грамм замахнул. Думал, усну. Какое там, – он махнул рукой, – та же история. А часа в три ночи слышу – на кухне кто-то шебуршит и топает. Я туда. Подкрался... А ночь светлая, лунная, все видно. Гляжу, а из мусорного ведра два каких-то существа бумагу достают, объедки всякие и жрут.

– Черти, что ли? – не удержался Антон.

– Да как тебе сказать. – Белый, на секунду задумавшись, почесал затылок. – Что-то вроде этого. Но сразу скажу, таких страшных я и в кино не видел. Жабры, глаза навывкате, горбатые... А у меня дома в кладовке пешня для зимней рыбалки, лед долбить. Я, значит, ее осторожно взял, вернулся, стою и жду, когда они друг за другом встанут, чтобы одним ударом убить. Как сдвоились, я со всего размаху их к стенке холодильника и пригвоздил.

Не выдержав, Антон рассмеялся:

– А они что, тебя не заметили?

– Значит, не видели. И, что самое интересное, все до мельчайших подробностей чувствовал и видел. Как из них какая-то зеленая гадость текла, судороги били... Ну, я давай орать жене, чтобы соседей звала. Гадов, мол, убил...

– А жена что? – Антон уже держался за живот.

– А что бы ты сделал на ее месте? Забегаешь на кухню, а мужик твой холодильник новый насквозь пробил и с пустым местом разговаривает. Я же пешню держал до приезда санитаров. Боялся, чтобы эти твари не убежали...

– Да, куда тут голливудским режиссерам с их богатой фантазией до наших алкашей, – сквозь смех выдавил Антон.

– А чего ты смеешься? – сказал Белый обиженно. – Тут все такие.

– Не обижайся. – Антон перестал смеяться. – Я тебя хотел спросить как старожила, куда тут завтра лучше затесаться?

– Куда угодно, – не задумываясь, ответил Белый, – только не в кухонные работники и не в слесаря.

– А ты сам-то куда метишь?

– Куда, куда. – Беломестнов бросил по сторонам настороженный взгляд и, убедившись, что их никто не слушает, слегка наклонился вперед. – Лучше всего санитаром заделаться.

– Почему? – удивился Антон.

– Понимаешь, – вздохнул Белый, – если б было лето, можно было бы перекантоваться уборщиком территории или в охране. А сейчас? Снег сошел, кругом грязища. В охране же, на проходной, комары за ночь сожрут, да и драть там за все стали. То кто-то без ведома главврача прошел, то, наоборот, убег какой-нибудь хроник, не долечившись. Ну, а столовая, сам понимаешь, ни свет ни заря туда бачки с кашей тягать, потом отходы тоже на руках черт-те куда переть. – Он махнул рукой. – Ты зря интересуешься, где лучше, где хуже. На тебя уже виды

имеют, я разговор слышал. Доктора обратили внимание, что ты парень не конченный. Ответственный, а главное, крепкий. Они тебя хотят главным над санитарями сделать.

Белый хотел еще что-то сказать, но в это время в палату вошел невысокий мужчина в очках. В руках он держал лист бумаги. Постепенно голоса стихли.

– Я начальник административно-хозяйственной части данного учреждения, – без обиняков начал он. – Зовут меня Владлен Геннадиевич. Как вам уже известно, с этого дня параллельно с общеукрепляющей терапией вам назначена... – Он обвел взглядом поверх очков палату.

– ...Трудотерапия! – раздалось несколько голосов.

– Правильно. – Он удовлетворенно хмыкнул и поднес лист бумаги к глазам: – Беломестнов, Филиппов, Толмачов – санитары. Сегодня с вами будут проведены инструктажи, а завтра вы заступите на свое первое дежурство в качестве стажеров с теми, кто выписывается.

Затем он принялся распределять остальных.

День пролетел незаметно.

К вечеру пришла Галина. Это было ее первое посещение за всю неполную неделю пребывания Антона в этом заведении.

Она, как и в первый раз, постаралась максимально изменить свою внешность, по-прежнему играя роль жены алкоголика, замордованной житейскими невзгодами.

Отдав ему у ворот пакет с чистым бельем и продуктами, что было кстати – ассортимент блюд, подаваемых простым смертным, не изобиливал калориями, она взяла его под руку:

– Прогуляемся?

Антон посмотрел по сторонам, размышляя, где им уединиться для беседы, и, заметив среди деревьев свободную скамейку, увлек к ней Галину.

– Как ты здесь? – Она бросила взгляд через его плечо в сторону больничных корпусов с унылыми решетками на окнах.

– Жить можно, – усмехнулся Антон. – Но ощущения, как в тюрьме. Новости какие-нибудь есть?

– Гена просил передать, что поведение Пешехоновой и Боброва подтверждает опасения в их причастности к каким-то аферам. Вдова покойного генерального в панике. Тебя просил быть поосторожнее.

Галя вложила ему в руку свернутый носовой платок.

Сжав его, он нащупал в нем какой-то предмет вроде металлической монеты.

– Постарайся установить в телефонный аппарат приемного отделения.

– И все? – удивился Антон.

– Пока да, – кивнула Галя. – А что?

– Да ничего, – он пожал плечами. – Я так понял, он сейчас надеется только на меня, а здесь глухо. Первую неделю чихнуть незаметно нельзя.

– Ой! – неожиданно хлопнула она себя по колену. – Самое главное забыла. Геннадий у тебя дома был, просил передать, что все нормально. Жена ждет тебя загорелым и отдохнувшим.

– Она ни о чем не догадывается?

– Нет, наверное.

Глава 5

Мечтой Скорого было стать богатым человеком. В его положении осуществить эту мечту в короткие сроки возможно только преступным путем, и он упорно шел к своей цели.

Вернувшись из армии, Скоробогатов устроился в частное охранное предприятие под названием «Щит». Зарботная плата здесь была мизерной, устраивало его лишь то, что ничего не надо было делать. Проводя все свободное время в спортзале либо перед телевизором, он проработал в нем несколько месяцев, как вдруг ему улыбнулась удача. Придя как-то в офис за зарплатой, он случайно подслушал разговор менеджера по заключению договоров с директором. Суть беседы сводилась к тому, что большинство потенциальных клиентов неохотно идут на сотрудничество с охранной фирмой, нанимая обычных сторожей. Спонтанно у него возник план. Не теряя времени, он поделился своими мыслями с заместителем директора.

Смысл разговора сводился к следующему: Вадим гарантировал, что добьется сотрудничества с рядом учреждений.

Получив согласие, уже через сутки он и его друзья детства Лузин и Трифонов по прозвищу Тритон под покровом ночи подъехали к платной автостоянке, хозяин которой наотрез отказывался от услуг «Щита». В результате их визита сторож, преклонного возраста мужчина, был избит, а несколько машин разграблены.

Спустя неделю они снова посетили эту автостоянку, нанеся еще более ощутимый ущерб, а через несколько дней несговорчивого клиента как бы случайно навестил менеджер по заключению договоров. Узнав о несчастьях, свалившихся на голову молодого предпринимателя, представитель частного охранного предприятия рассказал о преимуществах сотрудничества с ними. В этот же день был подписан договор. Больше всего предпринимателя привлекало то, что в случае нанесения материального ущерба «Щит» компенсирует его.

Постепенно несколько автостоянок, складских помещений, небольших предприятий, офисов крупных компаний и акционерных обществ усилиями Скорого и его команды, увеличившейся с начала своей деятельности втрое, перешли под крыло «Щита». Ничего не подозревающие предприниматели принялись платить новоиспеченной «крыше», справедливо считая, что, экономя на сторожах, они теряют больше, нежели оплачивая услуги хоть и дорогих, но профессиональных охранников.

С Бобровым Скорого познакомил заместитель директора «Щита». Он сказал, что у него есть знакомый, которому задолжали небольшую сумму денег. По его словам, дело было столь безнадежно, что клиент согласен на половину, лишь бы ему хоть что-то вернули. Этим человеком оказался не кто иной, как Бобров Александр Михайлович. Через некоторое время состоялся разговор с раздавленным дефолтом должником Бобра. Это был начинающий бизнесмен, который хотел развернуться на создании сети увеселительных заведений. Когда-то он работал в институте, где трудился Александр Михайлович, и они были приятелями. Но, как говорится, если хочешь потерять друга, одолжи ему денег. Долг был возвращен в виде небольшого ресторана, отданного за символическую плату.

Спустя некоторое время Бобров вновь вспомнил о Вадиме, но на этот раз сам оказался заложником своих грязных дел.

За ответом к Бобру Скорый решил подойти через три дня.

Родители жили в соседнем районе и часто навещались в его «логово», как он называл свою двухкомнатную квартиру, приобретенную у инвалида-алкаша за смехотворную цену, и комнату в коммуналке на окраине города. Как Вадим ни пытался благоустроить свое жилище, никакая мебель и евроремонты не могли создать здесь элементарного уюта. Это чувствовали все, кто бывал у него в гостях, склоняясь к тому, что все дело в отсутствии жены. Но он знал

причину. Она была в нем. Просто стены и интерьер пропитались его холодностью и злобой, а теперь, отдавая их обратно, создавали в душе чувство дискомфорта.

Неожиданный звонок в дверь застал его за приготовлением ужина. Глянув на часы и удивленно хмыкнув, он направился в прихожую, гадая, кто бы это мог быть.

На пороге стоял Лузин. Из всех его товарищей это был самый близкий. У Скорого он был на особом счету, и не только потому, что вместе закончили школу, они всегда сходились во мнениях. Вадим по многим вопросам советовался с Игорем. В их делах часто нужно было переступить черту закона, и в команде Скорого Лучок был кем-то вроде юрисконсульта.

– Разговор есть, – проходя в комнату, объяснил свое появление Лучок.

– Говори.

– Тебе не кажется, что мы слишком на мелочах заикнулись? – осторожно поинтересовался Лузин.

– А что, есть серьезные предложения? – В глазах Скорого появилось любопытство.

– Ты для начала ответь. – Лузин как бы боялся затрагивать волнующий его вопрос.

– Говори, не тяни резину, – подбодрил его Вадим. – Даю слово, какую бы ты тему ни затронул, кроме меня, о ней никто не узнает.

– Бобер, – вздохнул Лучок. – Ты с ним как?

Любопытство в глазах Скоробогатова сменилось недоумением.

– Почему тебя это интересует? Не устраивает, сколько он платит?

– Ну, деньги идут через тебя, и, сколько он дает реально, неизвестно...

– Ты считаешь, что я крысятничаю! – вскипел Скорый.

– Нет. Я не так выразился, – стушевался Лузин. – Меня это не интересует. Просто я хочу предложить беспроигрышный вариант.

– Подмять под себя Бобра?

Скоробогатов опередил Игоря и тем самым облегчил ему задачу. Лузин, подтверждая предположение Скорого, кивнул головой.

Вадим загадочно посмотрел на гостя:

– Пошли, умник, обмоем это дело. Я уже этого клоуна загрузил. Просто не знал, как это братве объяснить.

Лучок облегченно перевел дыхание. Все пока шло по плану.

– У меня в машине настоящее виски, брат из Америки прислал. – Игорь направился к выходу. – Сейчас принесу.

– Вообще-то у меня все есть. – Скорый почесал затылок. – Но если, говоришь, американское, валяй.

То, что брат Игоря живет в Штатах, Вадим знал. Уехал туда в поисках счастья еще год назад. Однако что касается виски, то это была ложь. Бутылку в красочной упаковке Лучку выделил из своего бара Бобер.

– Смотри, с «клофелином» не переусердствуй, – напутствовал он Игоря, когда тот направлялся к Вадиму.

Когда Лучок вернулся, Скорый уже успел накрыть на стол и даже, как он выразился, «накатить».

– Ты что, за смертью ходил? – упрекнул он Лузина, рассматривая увесистую коробку с бутылкой.

– Шпана какая-то внизу вертелась. Пришлось постоять на лестничной клетке, за машиной понаблюдать. У меня сигнализация не работает, – соврал Лузин.

На самом деле, спустившись вниз, прежде чем достать из «бардачка» бутылку, он позвонил Бобру и сообщил, что все идет по плану.

– Давай водочку добьем, – Скорый кивнул на початую бутылку, – потом за твою отраву возьмемся.

– Да не могу я его пить, – имея в виду виски, поморщился Игорь, ломая голову, какие бы еще доводы привести, чтобы избежать совместного распития заряженного снотворным пойла. – Может, сегодня водочку, а это на потом?

– Жалко, что ли? – усмехнулся Скорый. – Зачем принес?

– Пей, – хмыкнул Лузин, отворачивая горлышко и наливая золотистую жидкость в рюмку Скорого. – Мне еще за руль садиться, так что я чисто символически. Вообще-то она у меня уже месяц мертвым грузом стоит. Не перевариваю я заокеанское. Так, для расширения кругозора попробовал, – добавил он, объясняя тем самым, почему бутылка была открыта.

– Не знаю. Я, например, экзотику люблю, – пожал плечами хозяин квартиры. – Ну что, за удачу!

На некоторое время за столом воцарилась тишина, нарушаемая лишь позвякиванием вилок о тарелки.

– Ты как себе представляешь работу с Бобром? – оторвавшись от пельменей, неожиданно спросил Лузин.

Скоробогатов плеснул себе в рюмку еще виски и, не выпуская бутылки из рук, вопросительно посмотрел на собутыльника.

– Нет, мне не надо! – замахал руками Лучок. – Я же говорю, не могу я это пить. – Для убедительности он плеснул себе немного водки.

– Как знаешь, – пожал плечами Скорый, оставляя Игоря в покое. – Хозяин – барин. По мне, так эта беда лучше. Нашей, пока полный желудок не зальешь, ни в одном глазу, а после этой – сразу на душе хорошо.

– Знаю, с чем к тебе приходиться, – самодовольно ухмыльнулся Лузин. – Так ты не ответил на мой вопрос по поводу Бобра.

Выпитое немного сняло напряжение, и Игорь в обществе Скоробогатова чувствовал себя уже более раскованно.

– Слушай, за этим, – Скорый постучал по бутылке вилкой, – дела не решаются.

Спустя час, поднявшись со своего места, Скоробогатов не удержался на ногах и рухнул на пол, ударившись лбом о край табурета.

«Готов», – с облегчением подумал Лузин, наблюдая за тем, как хозяин квартиры, немного поворочившись, заснул, так и не дойдя до туалета. Впрочем, дискомфорт, вызванный переполненным мочевым пузырем, длился недолго. Через несколько минут под ним растеклась лужа, окончательно сигнализирующая о глубоком сне «любителя экзотики».

Лучок принялся за дело. Он разлил на кухне остатки бульона от пельменей и перевернул стол. Аккуратно, чтобы не было слышно соседям, разбил тарелки и несколько рюмок. Затем, взяв топорик для разделки мяса, прошел в комнату и принялся там курочить мебель.

Когда со стенкой и креслами было покончено, а обшивка дивана была испорчена, он откромсал от штор внушительный кусок, до половины сжег его в ванной, после чего бросил на середину комнаты.

Оглядев результаты своего труда, удовлетворенно хмыкнув, подошел к телефону.

– Алло, это квартира Скоробогатовых? – спросил Лузин.

– Игорек, это ты? – Скоробогатов-старший узнал по голосу товарища своего сына. – Что-нибудь случилось?

– Да, дядь Вова. Вадим опять перебрал. – Он обвел взглядом комнату. – Дома все переломал, диван вспорол, кричал, что в нем что-то шевелится.

– Опять в запое, – ужаснулся отец.

Скорый изредка уходил «в штопор», и его родители это знали.

– Сейчас вроде бы притих, но мало ли что. Звери ему какие-то мерещились, – продолжал врать Лучок, – даже костер пытался развести прямо в комнате. У меня деньги есть, давайте его на Ясную определим, а то – не дай бог что...

– Давай, ты пока их вызывай, а я сейчас приеду...

* * *

За два дежурства Филиппов полностью освоился в новой роли санитаря. Ему уже стало казаться, что он находится на Ясной не две недели, а целую вечность.

Обязанности были не ахти какие. Принимать очередных больных, контролировать соблюдение ими внутреннего распорядка.

Пару раз за дежурство приходилось выезжать на вызовы. Как бы невзначай пролистав документацию дежурного врача, он выяснил, что в те дни, когда скончались люди, смертью которых заинтересовался Навродский, дежурил один и тот же человек – Курмачов.

В принципе это еще ни о чем не говорило, если учесть, что смерть людей здесь не считалась из ряда вон выходящим происшествием. В этом он смог убедиться, успев перенести с Белым, а именно с ним он попадал в смену, уже двух отвеселившихся в этой жизни мужиков.

– Что странно, – утирая со лба пот, говорил Белый, когда они в первый раз возвращались из морга, – бабы почти не мрут. Живучие... Хотя здесь их ненамного меньше, чем нашего брата.

Сегодня Антон вновь заступал на очередную трудовую вахту, и снова с Белым. Смена начиналась сразу после завтрака.

Их начальником на ближайшие сутки должен был стать как раз интересующий Антона доктор Курмачов.

Обойдя палаты и пересчитав больных, проверив порядок, они вернулись в приемное отделение.

За столом с каким-то журналом в руках сидел Эдуард Юрьевич.

– Ну как, – оторвавшись от своего занятия, он посмотрел на Филиппова, затем перевел взгляд на Белого, – все нормально?

– Больные на месте, – пожал плечами Белый, – по списку проверили...

Он хотел еще что-то сказать, но доктор махнул рукой:

– Ладно, пока свободны.

– Пошли, покурим, – Белый толкнул Антона в бок, и они вышли на улицу.

– Странный он какой-то стал, – заговорил Белый, усаживаясь на скамейку.

– Ты это о Курмачове?

– О ком же еще. Раньше как заводной был, а если минута свободная выдавалась, так его не переслушаешь. Мог часами анекдоты травить. – Белый усмехнулся. – А еще у него конек был, случаи из жизни про нашего брата вспоминать.

– Может, в семье неприятности? – высказал предположение Филиппов.

Белый, неопределенно пожав плечами, задумался.

Поведение Курмачова и впрямь было более чем странно. Исчезнув куда-то на полчаса, он появился с устойчивым запахом спиртного и сразу же устроил нагоняй по поводу бесцельно бродивших по коридору больных.

Разогнав всех по палатам, Антон подошел к Белому:

– Наш доктор, по-моему, на грудь принял.

– Да я вот тоже смотрю и глазам своим не верю, он ведь непьющим считался.

Антон задумался. По напряжению Курмачова, его раздражительности чувствовалось, что он чего-то ждет.

Взвесив все «за» и «против», решил, что не помешает известить о своих опасениях Навродского. «Заодно проверит, как работает установленный в телефон „жучок“, – подумал он, направляясь на проходную.

Это было единственное место, где можно было, ничего не опасаясь, позвонить в город, взяв у кого-нибудь из посетителей сотовый.

День прошел без особых происшествий. Уже под вечер зазвонил телефон. Дежурный врач был где-то в палатах, и Антон за него взял трубку.

Звонивший настойчиво просил пригласить к телефону Курмачова.

– У нас пациенту плохо, перезвоните позже. – Антон хотел было положить трубку, как оттуда послышались ругательства:

– Скажи ему, что Бобров звонит. Он знает. Ничего с вашими алкашами не случится, а если и подохнет один, то люди только спасибо вам скажут.

«Неужели тот самый Бобров?» – мелькнула у Антона мысль.

– Сейчас передам, – он положил трубку рядом с аппаратом и направился в стационар.

Курмачова он нашел в четвертой палате. Тот стоял у изголовья кровати, на которой извивался тщедушный мужичок.

Белый с каким-то незнакомым Филиппову санитаром пытались удержать его. Рядом, держа в руке шприц, стояла медсестра.

– Что это с ним? – удивился Антон, узнав в мужичке привезенного в обед интеллигента, поразившего всех чрезмерной вежливостью.

– Вены хотел себе вскрыть, – прохрипел Белый, у которого от напряжения по лбу катился пот. – Кусок кафеля в сортире отбил и давай себя ковырять.

Извернувшись, мужичок сбросил с себя санитаров и, проворно отвязав руку от кровати, вскочил на ноги.

Не ожидавшая от него такой прыти медсестра шарахнулась в сторону, выронив шприц с успокоительным на пол.

Не раздумывая, Антон сделал шаг вперед, одновременно задвигая женщину левой рукой за свою спину, а ладонью правой нанес мощный удар в височную область разбушевавшегося доходяги.

Перевернувшись в воздухе, тот грохнулся рядом с кроватью, не подавая признаков жизни.

– Убил?! – испуганно прошептал Белый.

– Нет, – усмехнулся Антон, – просто контузил. – И обернулся как ни в чем не бывало к Курмачову: – Вас к телефону, какой-то Бобров.

Кровь враз отхлынула от лица Эдуарда Юрьевича. Не говоря ни слова, он вышел из палаты.

– Что уставились? – сказал Антон, переведя взгляд на медсестру. – Делайте этому Кинг-Конгу свой укол, пока не очухался. – И вышел из палаты.

Эдуард Юрьевич сидел за столом, отрешенно глядя перед собой.

– Что-нибудь случилось? – Антон осторожно взял из его руки трубку, которая прерывистыми гудками сигнализировала об окончании разговора, и положил ее на аппарат.

– Что? – Курмачов поднял на него взгляд. – Ах, да. Собирайтесь с Белым на выезд. Возможно, даже милицию придется подключать. Какой-то паренек на Стара-Загоре допился. Дома все переколотил.

* * *

Нагишом выйдя из ванной, Наталья вернулась в спальню. Малахов еще спал. Присев на край огромной кровати, она провела ладонью по его мускулистой спине и, задержав ее на ягодице, легонько шлепнула.

– Андрияша, вставай. – Склонив голову набок, Наталья игриво заглянула в лицо своему возлюбленному и улыбнулась: – На работу пора. Нехорошо на новой должности с самого начала портить свою репутацию.

Малахов убрал ее руку со своего зада и со вздохом принял веритикальное положение, свесив волосатые ноги с любовного ложа.

– Без году неделю я с твоим родственничком работаю, а этот земноводный, – он провел по могучей шее ребром ладони, – уже вот где сидит.

– Бобер – земноводный! – Наталья рассмеялась. – Вообще-то бобры относятся к грызунам.

– Грызун из него тоже хороший, – пробурчал Андрей, направляясь в ванную. – Достал он уже меня.

– Терпи, немного осталось! – проговорила она ему вслед и принялась одеваться.

После контрастного душа и небольшой зарядки Малахов выглядел уже не таким хмурым.

– Нехило мы с твоим братцем накачались, – отхлебнув крепко заваренного кофе из чашки, покосился на свою возлюбленную Андрей.

– Да уж, – усмехнулась Наталья, – два раза на мне уснуть умудрился.

Она надкусила бутерброд с сыром и подозрительно покосилась на любовника:

– А может, дело вовсе не в выпивке?

– А в чем?

– Получил то, что хотел, и я тебе стала неинтересна.

– Что ты мелешь? – Он сделал вид, что обиделся, и, поморщившись, отставил чашку в сторону. – Ничего не лезет. Если так все кредиты обмывать будем, недолго и спиться.

– Станешь генеральным, заведешь свои порядки, – Наталья осторожно посмотрела на него.

– Скажешь тоже, – он безрадостно усмехнулся. – Ты мне что, место генерального пророчишь?

– А ты сразу не догадался?

Малахов переменился в лице и недоуменно, даже, как ей показалось, испуганно уставился на нее.

– Ты чего опять задумала?

– Не опять, милый, а давно. Мой братец на этом месте – лишь переходный период.

– Слушай, – он поднялся со стула, собираясь уйти с кухни, – у твоего мужа ноги не успели остыть, а ты уже под Бобра роешь. Не рано ли?

– Он мне нужен был лишь для того, чтобы убрать так называемого мужа, – фыркнула она. – Не хочешь ли ты, чтобы это чудовище было хозяином моей компании?

– Насколько я знаю, ничего твоего в компании нет. А к Пешехонову ты переехала с одной зубной щеткой.

– Тем не менее я его вдова.

– Ты его убийца, – неожиданно выпалил он, и сам испугался своих слов.

Но на Наталью сказанное не произвело ровным счетом никакого впечатления.

– Что же ты, если такой правильный, не уберег своего шефа? Ведь с самого начала от тебя ничего не скрывали.

Малахов поморщился:

– Слушай, давай эту тему закроем! Я уже не знаю, что говорю. Это все похмелье виновато.

– Да я уже поняла, – махнула рукой Наталья. – А за «убийцу» спасибо!

– Ну, прости меня. – Он виновато улыбнулся и, подойдя к ней, присел на корточки, взяв ее руки в свои. – Черт попутал.

– Ладно, – она погладила его по голове, – отвези меня домой.

После смерти Бориса Евгеньевича не прошло еще и двух месяцев. Всего неделю назад отметили сорок дней. Боясь подмочить свою репутацию и вызвать вполне обоснованные кривотолки, Наталья пока опасалась принимать Андрея у себя дома. Поэтому местом любовных утех стала квартира Малахова. Наталья даже перевезла сюда часть своего гардероба.

– Как ты представляешь в перспективе наши отношения? – спросил Андрей, когда они уселись в машину.

– Тебя – преуспевающим директором солидной фирмы, – она бросила на него влюбленный взгляд, – себя – счастливой матерью двоих малышей.

От злости, которую он испытал за завтраком, не осталось следа. Сейчас он ощутил душевный подъем.

Покосившись на красивый профиль своей возлюбленной, он почувствовал, как его переполняет радость.

Да, ради этой женщины он готов на все. Пусть ему не особо хочется стать генеральным директором таким вот способом, но если она этого желает, то он пойдет на это. Тем более Бобров не Пешехонов, к которому Андрей испытывал симпатии.

Возможно, зная он заранее о том, какой именно способ устранения Пешехонова выбрала Наталья со своим братцем-монстром, он постарался бы предотвратить убийство. Но теперь об этом поздно жалеть.

– У меня есть друзья, – начал он, – вместе служили. Если их заинтересовать, они уберут Бобра.

– Нет, – Наталья испуганно посмотрела на него. – Ты ничего не делай. Я все продумала.

– Не понял, – он удивленно посмотрел на Наталью.

– Есть один вариант, – она загадочно посмотрела на него. – Я тебе говорила, как меня «БМВ» напугала?

– За рулем которой оказался твой воздыхатель? Вообще-то ты мне все уши об этом прожужжала, – усмехнулся Андрей, все еще не понимая, к чему клонит Наталья.

– Я думаю, надо на него взглянуть.

– Хочешь попросить его убрать Бобра? – догадался он. – А ты не подумала о том, какую плату он потребует?

– Ты уже меня ревнуешь? – Она засмеялась. – Рано. Вдруг это какой-нибудь лох. А вообще, играть на чувствах – это самый оптимальный и безопасный вариант.

* * *

Оставив мирно спящего Скоробогатова на кушетке в смотровой, Антон отправился за Курмачовым.

Доктора он нашел в ординаторской. Тот с отрешенным видом сидел за письменным столом.

– Привезли, – коротко отрапортовал Филиппов. – С ним отец приехал...

– А зачем он нужен? – встрепнулся Эдуард Юрьевич. – Пусть утром приезжает.

– Он сразу оплатить лечение хочет, – пожал плечами Антон. – Да и на чем домой ему сейчас добираться?

Лицо Курмачова перекосило от злости.

– А зачем вы его сюда среди ночи приволокли? Я что, бухгалтер? Завтра оплатит, в установленном порядке, а сейчас пусть валит отсюда. Раньше надо было за сына волноваться, до того, как пить начал!

Они прошли в приемное отделение. Оказавшись в смотровой комнате, где находился в полной отключке его новый пациент, Курмачов остолбенел.

По его виду Антон понял, что лежащий на кушетке человек хорошо знаком доктору. Более того, по тому, как нижняя губа Эдуарда Юрьевича, отвиснув, задрожала, а лицо сделалось мертвецки бледным, он пришел к выводу, что с этим парнем у него связаны какие-то страшные воспоминания.

– Что стоите?! – Немного придя в себя, Эдуард Юрьевич набросился на Белого. – Зовите медсестру, а его раздевайте! Где он лоб разбил? – Он перевел взгляд на Антона и перешел на визг: – Не вы случайно постарались?!

– Что это с ним? – удивленно спросил Белый, когда доктор вне себя от ярости выскочил за дверь.

– Наверное, не с той ноги сегодня встал, – пожал плечами Антон и вышел следом за Курмачовым.

Эдуард Юрьевич курил, стоя спиной к Филиппову, глядя в окно.

Бросив взгляд на дверь, за которой в коридоре маялся приехавший вместе с ними отец Скоробогатова, Антон подошел к Курмачову.

– Как ты думаешь, доктор, – он смотрел на отражение бледного лица Курмачова в оконном стекле, – зачем я здесь и именно сейчас?

Эдуард Юрьевич медленно повернулся к нему.

– Я думаю, ты догадался, – Антон улыбнулся.

Курмачов медленно осел на подоконник.

– Это последний заказ господина Боброва, – продолжал едва слышно Антон, кивком головы указав на дверь смотровой. – Неужели ты думал, что он оставит тебя в живых?

– Ты... Вы... – Тот сглотнул слюну. – Вы убьете меня?

– Пока не знаю. – Филиппов отошел к двери и выглянул в коридор, словно боясь, что их могут подслушать. – По крайней мере, Бобер этого очень хочет. Ты ему больше не нужен.

– Я догадался об этом, когда увидел здесь этого парня. – Эдуард Юрьевич закивал головой. – Раз он взялся уничтожать своих приближенных, значит, скоро ему и я буду не нужен.

– Вас я должен убить сегодня.

Курмачов вздрогнул и зашатался. Его кадык судорожно задвигался вверх-вниз. Антон выдержал паузу, затем похлопал беднягу по плечу:

– Но я не стану этого делать по двум весомым причинам. Первая: заказывая мне тебя, Бобров не знал, что я родственник Пешехонова. Вторая: ты мне поможешь. – Антон заглянул ему в лицо, пытаясь понять, доходят ли его слова до помраченного ужасом сознания доктора.

Эдуард Юрьевич едва заметно кивнул головой.

Расценивая это как согласие, а другого он и не ожидал, Антон вздохнул:

– Сейчас скажи, чтобы Скоробогатова перенесли в платный стационар и оставили с ним Белого, а мы с тобой должны о многом поговорить. – Он запустил руку в правый карман халата врача и забрал ключи от входных дверей. – Все. Вторая пара тоже у меня, поэтому пытаться бежать бесполезно...

Курмачов дернулся было выполнять указания, но неожиданно замер на месте, подняв испуганный взгляд на Антона.

– Что? – Филиппов вопросительно посмотрел на него.

– Но ведь я, получается, убил вашего...

– Брось – Антон вздохнул. – Бориса Евгеньевича убил именно Бобер, а в роли исполнителя мог выступить кто угодно. Не будь тебя, он нашел бы другого. Смерть этого человека была неизбежна, как и наказание, которое последует...

После того, как Курмачов выполнил все указания, Филиппов, уединившись с ним в ординаторской, попросил рассказать о том, как Бобру удалось превратить его в убийцу.

Доктор не заставил себя упрашивать и выложил все, как было, не утаив даже того, что специально положил подружку Бобра в отдельную палату из расчета на близость.

Антон внимательно слушал.

– Как бы вы поступили на моем месте? – спросил Курмачов, закончив свой страшный рассказ.

– Я бы на твоём месте не оказался, – ответил Антон, переваривая услышанное. – Никогда не совмещаю удовольствие с работой, – уточнил он, положив на стол перед доктором ключи от входных дверей.

– Как мне теперь быть?

– Как? – Антон пожал плечами. – Сегодня не делать глупостей, а завтра взять отпуск по семейным обстоятельствам и свалить дней на десять из города. – Жена есть?

– Развелся, – вздохнул Эдуард Юрьевич.

– Поступим следующим образом. – Антон посмотрел на часы, до рассвета оставалось совсем немного времени. – Сейчас работаешь как ни в чём не бывало. Папашу Скоробогатова любой ценой отправляй домой. Скажи, раньше чем через трое суток пусть не появляется, а его сыночка отдашь мне. Утром поднимешь панику, что он сбежал.

– Вы хотите его... – Курмачов не договорил, испуганно посмотрев на Филиппова.

– Что я хочу, тебя волновать не должно, позаботься лучше о себе.

Сняв халат и оставшись в одном спортивном костюме, Антон вопросительно посмотрел на Курмачова.

– Что? – не понял тот.

– Мне Скорый нужен, – напомнил ему Антон, и они направились к выходу.

Через некоторое время Антон со Скоробогатовым, который лежал у него на плече, подошел к бетонному забору диспансера в том месте, где по другую сторону стояла машина Навродского, и негромко свистнул.

Послышался легкий щелчок дверного замка машины и шаги, которые стихли прямо у забора:

– Антон, ты?

– Кто же еще. Помоги мне этого кабана на ту сторону перевалить.

Показалась сначала голова Геннадия, затем, подтянувшись, он перекинул ногу через плиту и, усевшись на нее верхом, протянул руку:

– Давай!

Антон, стараясь не обращать внимания на сырые и воняющие мочой штаны Скоробогатова, взял его под колени и, не без помощи Геннадия, перевесил через забор.

– Теперь перелезай и принимай его снизу, – поторопил Геннадий.

Уложив Скоробогатова на заднее сиденье, Антон закрыл дверцы «БМВ» и уселся рядом с Геннадием.

– Ну что, вперед?

– Может, послушаем для страховки твоего Курмачова? – Навродский кивнул на приемник, настроенный на «жучок» телефона приемного отделения. – Вдруг сейчас Бобру начнет звонить.

– Не начнет, – усмехнулся Антон, – поехали.

Через полчаса патрульный «жигуленок» Железнодорожного РОВД доставит в дежурную часть неизвестного молодого человека, найденного на улице в состоянии сильного опьянения, у которого при досмотре личных вещей будет обнаружен пистолет Макарова.

Глава 6

День был в самом разгаре. Ослепительно белые квадраты солнечного света, льющего через окно, медленно подбирались к кровати, на которой поверх покрывала прямо в одежде лежал Навродский.

Несмотря на бессонную ночь, спать не хотелось, но и вставать и что-то делать тоже. Состояние усталости и бессонницы одновременно угнетало. Не было желания даже о чем-то думать.

Не дожидаясь, когда солнце доберется до него, Геннадий поднялся. Почесав затылок и зевнув, посмотрел на часы. Близилось время обеда.

Нужно было заехать в офис, узнать, как дела у Горяинова, который временно заменил его в кресле директора детективного агентства, потом встретиться с Антоном и спланировать дальнейшие действия. Попутно нужно было проконтролировать исчезновение из города Курмачова и уточнить, как поживает в казенных стенах пока еще камеры временно задержанных Скоробогатов.

Обильно намылив подбородок, Геннадий потянулся за станком, как вдруг зазвонил сотовый. Чертыхнувшись, он вышел в коридор и взял трубку, лежащую с подключенным зарядным устройством на тумбочке у зеркала.

– Гена, здравствуй. – Геннадий узнал по голосу своего помощника и поморщился, заметив, что кусок пены для бритья прилип к трубке.

– Здравствуйте, Петр Викторович, – поприветствовал он Горяинова. – Вы не могли бы перезвонить минуты через две-три, а то я бриться собрался.

– Всего два слова, – заторопился тот. – У меня, вернее, у нас сидит клиент. В общем, это управляющий банка «Сибнефть». Хочет получить информацию о надежности клиента.

– Кто клиент?

– Как раз «Нефптон».

– Соглашайся, – буркнул Геннадий, и, отключившись, направился в ванную.

Но не успел он взять станок в руки, опять зазвонил телефон.

Выматерившись про себя, он вновь вернулся в прихожую.

– Я могу услышать Григория? – раздался на другом конце приятный женский голос.

«Какого еще Григория?» – хотел было ответить Геннадий и отключиться, как его словно пронзило током.

– Наташа?!

– Да, это я.

– Вы хотите отчитать меня за беспардонное преследование вас? – осторожно поинтересовался он и, стараясь придать голосу как можно больше раскаяния, по-детски извинился: – Я больше так не буду, вернее, буду, но незаметно для вас.

Она рассмеялась:

– А может быть, не стоит больше играть в пионеров?

– Вы хотите сказать...

Наташья не дала ему закончить фразу:

– Да, я хочу назначить вам встречу.

Непроизвольно он посмотрел на себя в зеркало прихожей. Торчащие в разные стороны волосы, заспанное лицо, нижняя часть которого покрыта уже застывшей пеной для бритья. И рассмеялся:

– А вы меня не испугаетесь?

– Постараюсь, – проворковала она. – Так что?

Он глянул на часы, была половина второго. Нужно было не только привести себя в порядок, но еще и заскочить в офис.

– В пять вас устроит?

– Вполне, – не задумываясь, согласилась Пешехонова. – Где?

– А где вам удобно?

– Тогда подъезжайте к «Европе», на Галактионовской, знаете?

– Ради того, чтобы увидеть вас, я согласен и полететь на Луну!

– Тогда до встречи.

Быстро приведя себя в порядок и на скорую руку перекусив и выпив чашку кофе, Геннадий отправился в офис.

– Горяинов беседует с управляющим «Сибнефтью», – отрапортовала Галина, поприветствовав его улыбкой.

– Справляется без меня? – улыбнувшись в ответ, Геннадий кивнул на дверь.

– Ох уж он меня со своим кофе достал! – вздохнула она. – И весь кабинет обкурил...

Прямо Шерлок Холмс.

Геннадий рассмеялся:

– Ладно, пойду, отчитаю.

И уже взялся за ручку двери, как в приемную вошла немолодая сухощавая женщина в строгом черном костюме.

– Раевская Анна Дмитриевна, – представилась она, слегка склонив голову к левому плечу, и вопросительно посмотрела на Галину.

Скользнув взглядом по своим записям, та перевела взгляд на Геннадия:

– Эта женщина хочет с вами переговорить.

– За меня остался мой помощник, – поздоровавшись с ней, решил объяснить Геннадий. – Подождите, пожалуйста.

Он указал на диван для посетителей.

Но женщина отрицательно покачала головой.

– Нет, я не могу ждать. – Она, вздохнув, оглядела комнату, задержав взгляд на часах, висевших над столом Галины, затем, словно пытаясь убедиться в точности их хода, посмотрела на свои. – У меня самолет на Москву через два часа. Я бы хотела, чтобы меня выслушали прямо сейчас.

– Ну что же, – Геннадий сделал приглашающий жест рукой, указывая на кабинет Горяинова, – пройдите...

Помещение помощника было тесновато. В комнате три на три метра был лишь стол, пара стульев и небольшой книжный шкаф с вмонтированным в него сейфом.

Предложив госте сесть на один из стульев, Геннадий заглянул в электрочайник, стоящий прямо на подоконнике, и, убедившись, что в нем достаточно воды, включил.

Усевшись на место Горяинова, он вопросительно посмотрел на женщину.

– Я несколько лет живу в Германии, – заговорила Раевская. – У меня там свой бизнес. Уехала я отсюда два года назад.

– Вы, наверное, из поволжских немцев, – уточнил Геннадий.

– Да, вы угадали, – кивнула она головой, – хотя, собственно, бизнес в ФРГ принадлежал до недавнего времени моему покойному мужу. – Она вздохнула. – С Герхардом я познакомилась в середине девяностых, он приезжал в Тольятти с деловой поездкой на «АвтоВАЗ». При делегации, которую он возглавлял, я выполняла обязанности переводчика. – Неожиданно она замолчала и грустно улыбнулась. – Вообще-то, это не так важно. От первого брака у меня здесь остался взрослый сын. Проблема, собственно, с ним. – Она изучающе посмотрела на сидящего перед ней частного сыщика, словно пытаясь угадать, сможет ли он решить ее проблему, и вздохнула. – Он является управляющим банка «Сибнефть».

При этих словах Геннадий вскинул на нее заинтересованный взгляд. За стенкой, у Горяинова, сейчас был именно тот человек, о котором ему говорила женщина, и о чем между ними велся разговор, Навродский имел представление.

В свою очередь, его реакция на сказанное не ускользнула от Раевской. Она внимательно взглянула на него:

– Вы уже что-то знаете?

– Нет. – Геннадий слегка растерялся. – Я слушаю вас.

Он встал и подошел к электрочайнику, который щелчком автоматического отключения дал знать, что кипяток готов. Открыв стоящую там же банку с кофе, он насыпал в одну из чашек две ложки порошка и вопросительно посмотрел на женщину.

– Нет, спасибо, – она покачала головой. – Если можно, я закурю.

Кивнув головой, он поставил перед ней хрустальную пепельницу и, дождавшись, когда она достанет из сумочки длинную пачку дамских сигарет, щелкнул зажигалкой.

– Так вот, – выпустив струйку сизого дыма, заговорила она. – Я не лезу в его дела, тем более бизнес в цивилизованной стране и здесь, в России, коренным образом различаются.

– Россия, по-вашему, живет в каменном веке? – перебил ее Геннадий.

– Извините, я не совсем правильно выразилась, но вы наверняка меня поняли. – Она виновато отвела взгляд в сторону. – Несколько дней назад мне пришлось стать невольным свидетелем разговора моего сына с женой. Их диалог можно назвать даже скандалом, ссорой. Поводом, как я поняла, были переговоры между небезызвестной своей скандальной репутацией в городе компанией «Нефптон» и его банком.

– А почему вы решили, что у «Нефптона» скандальная репутация? – удивился Навродский.

– Дело в том, что после этого я по своим каналам решила узнать, почему сноха так категорично настроена против...

– Извините, я вас перебую. – Геннадий внимательно посмотрел на Раевскую. – Объясните, жена вашего сына всегда обсуждает его деятельность?

– Она начальник юридического отдела банка.

– Ах, вон оно что, – протянул Геннадий, – семейный подряд. Тогда все понятно. И что вам удалось узнать, используя собственные источники?

Этот вопрос его занимал не меньше Раевской. Кое-что он уже знал и имел общее представление о руководстве компании, но, оказывается, кроме него и Филиппова, еще кто-то собирает интересующую его информацию. Возможность ее получения взволновала Геннадия.

– Само предприятие довольно стабильно и процветает, – начала она. – Но, как говорят, это временное явление. За последние два месяца там произошли серьезные кадровые изменения в руководстве. В городе ходят упорные слухи, что бывший генеральный директор умер не своей смертью.

– Почему же не своей? – Геннадий сделал удивленное лицо. – Любая смерть руководителя такого уровня всегда обрастает невероятными домыслами. Тем более нефть – черное золото. Там, где крутятся большие деньги, имеют место и скандальные слухи. Насколько я знаю из официальных источников, господин Пешехонов скончался от сердечного приступа в результате алкогольного опьянения.

– Раз вы знаете это, то должны знать и то, кто занял его место?

Геннадий, прикинувшись, что не располагает абсолютно никакой информацией по этому вопросу, пожал плечами.

– Бобров Александр Михайлович, двоюродный брат жены покойного директора.

– Мне это еще ни о чем не говорит.

– Понимаете, среди моих знакомых, занимающих серьезное положение в обществе, ходят упорные слухи о нечестности этого человека. Поговаривают о его связях с так называемыми преступными группировками и его определенном положении в этой иерархии.

– А где вы видели в России бизнесмена, не нарушающего время от времени законов? – усмехнулся Геннадий. – Сами же затронули тему честного бизнеса в начале разговора.

Она вновь достала сигарету. Пользуясь паузой, Геннадий подошел к окну и залпом выпил уже остывший кофе.

– Что требуется от нас? – спросил он.

– Я хочу получить информацию об этом человеке и этой компании. Сколько будут стоить ваши услуги?

– Вы говорили об имеющихся у вас связях, – удивился Геннадий. – Почему бы не воспользоваться ими?

– Я хочу, чтобы надежность этой компании проверили профессионалы. – Она виновато опустила голову. – Вы правильно выразились, я владею информацией, в большей мере основанной на сплетнях и домыслах.

Геннадий нажал кнопку селектора:

– Галочка, Петр Викторович освободился?

– Нет.

Он перевел взгляд на Раевскую:

– По-моему, вам это ничего не будет стоить. – Увидев на лице женщины недоумение, Навродский улыбнулся: – Ваш сын сейчас обсуждает этот вопрос с моим помощником...

– Ну, что скажешь? – спросил Геннадий у Горяинова, когда Раевская с сыном ушли.

– А что? Оплачивают безо всяких оговорок...

– Да я не об этом, – махнул рукой Геннадий. – Дело в том, что сегодня ночью мы с Антоном окончательно убедились в причастности Боброва к убийству Пешехонова.

Лицо Горяинова вытянулось от удивления, затем расплылось в улыбке.

– Вот и хорошо! Попутно решили и задачу Раевских. – Он потер руки. – Одним выстрелом двух зайцев убили!

– Ты в этом уверен? – Геннадий грустно усмехнулся. – В этой ситуации мы должны передать информацию в правоохранительные органы, а заказчиков проинформировать о выполнении работы согласно договору.

– Так в чем же дело? – не понял Горяинов.

– Дело все в голых фактах, – вздохнул Геннадий, доставая из кармана сигареты и усаживаясь прямо на стол. – Тебе, Петр Викторович, кроме текучки, еще придется, по всей видимости, и нам с Филипповым помогать. – Навродский прикурил сигарету и задумчиво уставился в окно. – Участники убийств установлены, даже не двух. – Поморщившись, он вспомнил рассказ Антона, каким способом Бобров вынудил Курмачова принять его условия. – Другой вопрос, – он перевел взгляд на Горяинова, – станут ли они давать показания, поэтому нужны улики. Одно дело – врач все рассказал Филиппову, приняв его за бандита, другое – как он поведет себя, узнав, что его обманули.

– Да, – кивнул головой Горяинов, – срок ему, несмотря ни на что, светит огромный...

В кабинете воцарилась тишина.

Геннадий задумался. Самым слабым звеном в команде Бобра был, несомненно, нарколог. Но для того, чтобы он дал показания под протокол, нужно еще прижать его неопровержимыми доказательствами его причастности к убийствам. Для этого необходимо раздобыть кассету с видеозаписью убийства бомжа, дубликат которой находился у доктора дома, отыскать место захоронения несчастного и, наконец, найти орудия убийства, которые, по словам врача, Бобров забрал с собой.

Прижатый этими уликами, Курмачов, несомненно, начнет говорить и в кабинете следователя прокуратуры.

С другой стороны, это прекрасно понимает и Бобров, который наверняка уже приступил к поискам доктора.

Вторым уязвимым местом для Боброва стал Скоробогатов, случайно избежавший участи Пешехонова и Ольги. Понимая теперь свое положение и зажатый, с одной стороны, статьей за незаконное хранение и ношение оружия, с другой – преследованием своего недавнего покровителя, он тоже вряд ли будет хранить молчание. Но толчком к этому должны послужить опять же показания Курмачова.

Доктор после разговора со своим «киллером», которого умело изобразил из себя Филиппов, был уверен в том, что опасность для него исходит только от генерального директора «Нефптона», и не стал скрывать, где будет ждать окончания своих неприятностей. В любой момент его можно будет вытащить из деревни, где он временно поселился у своего дяди. Этому человеку деться было попросту некуда. Впрочем, это до тех пор, пока он не знает, с кем реально имеет дело. Сейчас Курмачов считает, что Филиппов – обыкновенный криминальный элемент, который собирается отомстить за своего родственника, убив Бобра, тем самым устранив угрозу для его жизни. Однако он также понимает, что, попади дело в правоохранительные органы, за три трупя ему светит максимальный срок заключения, и неизвестно, как он поведет себя, если раскроет обман...

К автостоянке, расположенной по соседству с рестораном «Европа», Геннадий подъехал с небольшим опозданием. Опасаясь «сюрпризов», он на всякий случай сначала осмотрелся. «Ниссан-Патрол» Пешехоновой уже был там. Но его больше интересовали другие машины, невзрачные на вид, в которых находились люди.

Таких было две. Белая «Волга» с прогнившими крыльями, маячившая через дорогу, напротив супермаркета, в скором времени уехала, забрав какую-то пассажирку. Вторая машина, стоявшая через одну от джипа Пешехоновой, заставила его понервничать и подумать невесть что. Оказалось, в ней сидели охранники все той же автостоянки, форму которых он поначалу не разглядел.

Войдя в почти пустой зал, он сразу увидел за самым дальним столиком мающуюся в ожидании Наталью. Перед ней стояли чашка кофе и рюмка коньяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.